

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна Белинская

Танцуй со мной

18+

Анна Белинская

Потанцуй со мной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69544327

SelfPub; 2023

Аннотация

– Потанцуй со мной, – требую я. Он знает, о чем я прошу. – Сейчас же. Я настолько сошла с ума, что прошу его об этом сама. Устало усмехается. Нет, не смей! Даже не думай меня бросить с этими чувствами одну! – Я не танцую маленьких глупых девочек, – глядя в глаза, изрекает Романов. – А умных? – срывается мой голос. – А умная никогда не попросит об этом сама. Вот и всё. Глупая, маленькая дурочка – вот, кто я для него.

Содержание

Глава 1. Константин	4
Глава 2. Константин	12
Глава 3. Юля	18
Глава 4. Юля	28
Глава 5. Юля	39
Глава 6. Константин	49
Глава 7. Юля	56
Глава 8. Юля	60
Глава 9. Константин	65
Глава 10. Константин	71
Глава 11. Юля	78
Глава 12. Юля	87
Глава 13. Юля	93
Глава 14. Константин	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Анна Белинская

Потанцуй со мной

Глава 1. Константин

Паркую машину в двух переулках от офиса. Стараюсь, как можно быстрее преодолеть это расстояние и оказаться в спасительной тишине. Я ненавижу большое скопление людей и шум, но именно здесь находится мой офис: на главном Бродвее страны – Арбате. В 40 квадратных метрах здания памятника архитектуры.

Если вы считаете, что это недешевые понты, то абсолютно правы. Потому что я могу себе позволить. Большие деньги любят красивую обложку. Было бы глупо и смешно принимать «большие бабки» в скромной адвокатской конторе где-нибудь на улице Кирпичные выемки.

Согласитесь, адвокат на Арбате, как бы пафосно это не звучало, впечатляет?!

Поэтому всю эту арбатскую клоаку я потерплю.

Ради моих бабок.

В моем мире существует три устойчивые константы, которые я искренне люблю: работа-деньги-комфорт. И определённо в такой последовательности, потому что от количества

и качества первой зависит количество вторых и качество последнего.

Да, я циник, меркантильный подонок и перфекционист до мозоля на пятке. А еще патологический интроверт. Я ненавижу людей, проблемы и пустой треп. Как раз из-за первых возникают последующие. Но именно эти три компонента меня кормят.

Я – адвокат.

Вот такой парадокс.

Я ненавижу людей, но работаю с ними, ненавижу трепать языком, но чем умелее я это делаю, тем больше зарабатываю, ненавижу проблемы, но отлично решаю их, не выношу шум, но работаю на Арбате.

Арбат...

Арбат никогда не спит. В этом мы с ним похожи.

Арбат живет: днями, ночами, в любое время года, в любую погоду, вне политики и социальной обстановки. Он живет в музыке уличных музыкантов, в шаржах никому неизвестных художников, в пестрящих сувенирах и калейдоскопе запахов и звуков.

Здесь смешались гении и аферисты, таланты и мошенники, качество и брак.

Арбат хранит и помнит: каждый переулок, каждый дом с мемориальной табличкой «В этом доме жил...».

– Константин Николаевич, – Тимур мчится ко мне на всех парах, ловко маневрируя между снующими туда-сюда без-

дельниками, разгуливающими по Старому Арбату в пятницу днем, – добрый день!

– Приветствую, – останавливаюсь и дожидаясь своего помощника-ассистента.

Тимур сует подмышку огромный кейс с документами и протягивает руку для приветственного рукопожатия.

Пожимаю.

Тимур Кайманов – полная моя противоположность. Он постоянно улыбается, и у меня порой складывается такое ощущение, что он будто под чем-то. Дело в том, что крайне сложно оставаться таким приветливым, когда ты работаешь со мной.

Потому что я тот еще говнюк. Но каким-то невероятным образом мы неплохо сработались. Моему помощнику 23 года, он сын моих хороших знакомых, и года два назад проходил у меня практику. Я тогда еще его приметил, но в то время у меня уже была ассистентка.

Несмотря на то, что Тимур у меня, как говорится, «по бла-ту», он перспективный и неглупый парень. У него есть целеустремлённость, адвокатская хватка, высокая работоспособность и, главное, терпение.

Вытерпеть и не придушить меня – те еще качества, которыми не каждый может похвастаться.

А зря, имеющий терпение – имеет всех.

Закон выживания.

Вот бывшая помощница не справилась.

И ушла в декрет.

От моего хорошего знакомого – судьи.

Я принципиально не говорю «друга», потому что у меня друзей нет, да и в дружбу я, априори, не верю. Есть взаимное сотрудничество, когда кому-то или обоим выгодно общение друг с другом. Рано или поздно один из названных друзей все равно предаст. Дружить надо с тем, от кого точно не светит подставы. Поэтому я дружу с капиталом. Я люблю бабки, а они любят меня.

– А я думал, что вы уже в аэропорту, – мы протискиваемся сквозь толпу зевак, обступивших очередных выходцев из самодеятельности, возомнивших себя рок-группами.

Вообще-то, Тимур прав. Я уже должен быть в аэропорту как минимум полчаса назад.

За то недолгое время работы со мной Тимур неплохо меня узнал. Ему известно, что я никогда не опаздываю и не переносу, когда опаздывают другие. Я всегда и везде появляюсь заранее, у меня всегда все под тотальным контролем, поэтому я несколько не удивлен вопросу моего ассистента.

– Заберу кое-какие документы и поеду.

– Я так понял в выходные вас не ожидать? – не унимается парень. – Вы, наверное, хотите с дочкой провести это время?

Единственный и раздражающий меня минус в моем молодом помощнике – его чрезвычайная болтливость. Но он называет ее общительностью.

Я бы поспорил.

– Пока не знаю, – как всегда односложно отвечаю я.

Душевные разговоры и беседы вне территории юрисдикции суда – не про меня.

Я предпочитаю думать, а не болтать.

– Дядь, не хотите поддержать молодых талантливых музыкантов? – передо мной возникает какое-то фиолетовое чудо со шляпой в руках.

Кто?

Дядь?

Слышу приглушённый смешок со стороны своего помощника, а меня передергивает от этого самого «дядь».

Перемещаю свое дорогостоящее внимание на предмет, только что пошатнувший мою мужскую стабильность.

Это девчонка в коротком джинсовом комбинезоне, поверх которого на бедрах завязана клетчатая фланелевая рубашка. У нее длинные темные волосы, кончики которых выкрашены в яркий фиолетовый оттенок, а на макушке накручена гулька. Одной рукой она удерживает шляпу для вымогательств, а во второй зажат вейп.

Девчонка вызывающе смотрит в глаза и улыбается, а потом дерзко, прямо в лицо выдыхает сладковатый дым.

Морщусь, пренебрежительно скосив физиономию.

Не переносу курящих женщин, а эта еще девчонка совсем.

– Нет, – брезгливо бросаю и обхожу малолетку слева.

– Старый жлоб, – долетает до меня вдогонку как топором.

Старый жлоб?

Я не заметил сегодня утром в зеркале, что как-то в одночасье постарел.

Так какого хрена?

И я не жлоб.

Просто я на дух не переношу вот этих уличных попрошачек, которые так навязчиво вымогают из тебя твои же бабки.

Я не всегда к ним так относился. Но однажды я вот так же встал послушать уличную группу. Минуты не прошло, как ко мне подлетела озабоченная фанатка с коробкой для жертвования.

Я дал.

А потом она еще раз 5 подошла, собирая повторно.

С тех пор я не даю.

Медленно оборачиваюсь и встречаюсь с тем же самым наглым выражением лица этой малолетней выскочки. По-хорошему, мне сейчас нужно плюнуть, развернуться и уйти. Потому что я не ведусь на провокации, потому что умею владеть эмоциями и практически каждой ситуацией, потому что начинаю опаздывать в аэропорт и потому, что я взрослый мужик, а она сопливая девчонка.

Но меня задело.

Тридцатисемилетнего мужика, у которого за плечами полный рюкзак из дерьма, угроз, проклятий и выигранных даже самых сомнительных и неперспективных дел задела какая-то несовершеннолетняя соплячка.

– Тимур, набери Протасова. Кажется, у ребят проблемы с разрешением на выступление, – говорю громко и предельно четко.

Это блеф.

Я не знаю, есть ли у них qr-код Департамента культуры, дающий право выступать на Арбате, или нет, но судя по сползающей наглой ухмылке девчонки, понимаю, что точно второе.

Но мне этого мало, и я решаю наказывать дальше:

– Вся эта богадельня смахивает на несанкционированный митинг с вовлечением несовершеннолетних, – выгибаю бровь и расстреливаю нахалку глазами.

– Я совершеннолетняя, – задирает подбородок мелкая бунтарка и скалится.

Серьезно?

Ты смотри, какая говорливая.

– Тогда пойдешь «по-хулиганке». Персонально. Так что сворачивайте свой «Олимпийский», либо вызываем сотрудников. Тимур, – оборачиваюсь к своему ассистенту, который застыл с таким восхищением на лице, будто я назвал все статьи Уголовного кодекса со всеми пунктами и подпунктами, – ты свидетель.

Кивает.

У мелкой отвисает челюсть, а я настолько доволен собой, словно выиграл крупное дело в суде.

Девчонка стремительно уносится в сторону бременских музыкантов и что-то нашептывает высветленному пацану с гитарой.

«Олимпийский» затихает, толпа недовольно расходится, а я спешу поскорее убраться отсюда.

– Козел, – шипит мне в спину мелкая гадюка.

Глава 2. Константин

– Па-ап, почему нельзя было просто оставить меня в Питере? – канючит Марго, обиженно складывая губы трубочкой.

Я не видел дочь с зимних каникул, и за 5 месяцев она заметно повзрослела. Маргарите пятнадцать, но я уже практически не нахожу в ней той щекастой девчонки с неровной челкой и эльфийскими ушками. Рядом со мной на пассажирском сиденье сидит девушка, умело маскирующая свои милые ушки стрижкой-каре, а челку она не носит уже как лет десять. Пухлые щечки впали, заостряя скулы и подбородок, а в носу появилось миниатюрное колечко.

Я был против него, но Ольга, моя бывшая жена, считает, что не стоит мешать нашей дочери проявлять свою индивидуальность. Я не одобряю позицию Ольги, но она мать и я, надеюсь, что знает, как лучше и правильнее для Риты.

Хочется верить, что моя дочь позаимствовала от меня не только скверный характер, но и мозги, потому что всем остальным она пошла в свою мать.

– Ты знаешь, почему мы с твоей матерью приняли такое решение. Мы снова возвращаемся к этому вопросу, когда ты уже в Москве? – выгибаю вопросительно бровь.

Мы целый месяц с бывшей супругой потратили на то, что-

бы прийти к компромиссу и найти решение, минимально болезненное для всех.

Легче судебный процесс выиграть, чем договориться с Ольгой Беккер, честное слово!

– Но вы не спросили меня, – дует губы Марго и отворачивается к окну.

– У тебя был выбор: либо поехать с Ольгой и Мартином в Штутгарт, либо провести это лето со мной, – подмигиваю дочери и плавно съезжаю на дублер, – ты выбрала второе.

Замечаю, как Маргарита мерзко кривится, и усмехаюсь.

С супругом Ольги, чистокровным немцем Мартином Беккером, у Марго напряженные отношения, и перспектива провести все лето с ним в Германии под одной крышей вызывает у дочери приступ бешенства.

Они не ладят.

Вернее, это моя дочь недолюбливает Мартина, а он относится к ней достойно, чтобы называться отчимом. Он старается для нее и делает гораздо больше, чем я – ее родной отец.

– Да, но можно было оставить меня с бабушкой.

Скептически смотрю на Риту.

Марго и грядки с колорадскими жуками в деревне?

Серьезно?

– Ну окей, согласна, с деревней я погорячилась. Но можно было слетать куда-нибудь вдвоем, а потом вернуть меня в Питер. Зачем нужно было тащить в Москву? — складывает руки на груди и хмурит брови.

Бросаю на дочь внимательный взгляд, изучаю. Мне кажется, Марго слишком худая. И если это тоже проявление индивидуальности и намеренный отказ от еды, а не физиологическая особенность, то мне придется вмешаться, а значит, вступить в конфликт с Ольгой.

Ольга – хорошая мать, но слишком демократичная.

Я – хреновый отец, но чрезмерно консервативный.

Мы с Ольгой два противоположных полюса и, это единственный момент в моей жизни, который я не могу понять.

До сих пор я ломаю голову, как мы смогли когда-то сойтись, а потом и пожениться. Хотя второе как постфактум, когда у твоей девушки две полосы на тесте.

С Ольгой мы учились в одной группе на Юриспруденции. Четыре года мы знали только фамилии друг друга, а в октябре пятого курса вдруг ни с того ни с сего как-то закрутилось.

А раскрутилось летом, когда моя бывшая жена на защите диплома начала рожать.

Как стремительно у нас всё началось, так же стремительно и закончилось. Мы прожили в законном браке пять лет, а фактически наши отношения закончились сразу после рождения Риты.

Любил ли я Ольгу? Скорее был влюблен... До того, как она забеременела. А дальше появилась просто ответственность.

Я уважаю Ольгу. Она любящая мать, достойный профессионал своего дела, прекрасная женщина.

Но не рядом со мной. И не для меня.

Мартин – именно тот, кто ей нужен. Они счастливы в браке, как считает сама Ольга, и воспитывают общего ребенка – шестилетнюю сестру Маргариты.

– У меня два незаконченных дела, Марго, – моргаю впереди плетущемуся чуваку на сраном красном Матисе. Мы мчимся по шоссе, а эта бешенная табуретка, видимо, никуда не торопится, занимая левую полосу для обгона. – А куда-нибудь слетать —мы обязательно устроим, у нас все лето впереди, – ободряюще улыбаюсь, но дочь не впечатляется моим показным энтузиазмом.

– Прекрасно. У тебя работа, а мне что делать? В Питере у меня дноклы* и друзья, а здесь я буду одна.

– Познакомишься. Не вижу проблем, – Матис петляет вправо, и у меня открывается коридор для обгона. Ровняясь, поворачиваю голову и охреневаю, потому что в меня летит средний палец от рулящей девчонки с розовыми волосами.

Это что еще такое?

Сегодня, случаем, не День молодежи?

Дочь смеется, а я невольно вспоминаю девчонку с фиолетовыми кончиками волос.

Усмехаюсь.

Дерзкая бунтарка.

Интересно, как быстро они свернули свою богадельню?

– Да? – неверующе прищуривает глаза Рита. – То есть ты будешь отпускать меня гулять? – испытывающе всматрива-

ется, поворачиваясь ко мне всем корпусом.

– Конечно будешь гулять, – говорю в слух, а про себя добавляю «под присмотром».

– Подожди, подожди, – роется в рюкзаке и достает телефон, – так, камеру включила. Ага, давай! Повтори это еще раз, – наставляет на меня свой айфон.

Да, прошлый раз Марго уехала от меня, обижаясь. Я категорично считаю, что пока рано ей самостоятельно бродить по Москве. Поэтому сопровождал ее либо сам, либо перепоручал помощнице.

Молчу.

– Вот, – убирает обратно телефон и надувает губы, – об этом я и говорю. Мой максимум – детская песочница во дворе до ужина под надзирательством твоей помощницы и отбой.

– Не утрируй. И кстати, у меня теперь другой помощник.

– Правда? – оживляется моя приунывшая дочь. – А куда делась... как ее там, – наигранно задумывается, – Га-аля?

Эта маленькая засранка начинает заливисто хохотать, а я не могу не поддержать ее в этом.

Улыбаюсь.

– Габриэла, – подсказываю Марго и снова растягиваюсь в широкой лыбе.

– Ах точно, Габриееела, – кривляется дочь, пытаюсь спародировать мою бывшую ассистентку. – «Но ты можешь называть меня Габби», – Рита начинает изображать рвотные позы.

вы и морщится.

Наконец-то узнаю свою малышку.

Маргарита изначально не подружилась с Габриэлой. Я видел, что у них взаимная антипатия, но каким бы неприятным обществом была для помощницы моя дочь, она выполняла все мои указания и просьбы профессионально и ответственно.

Я доверял Габриэле.

Марго частенько выбешивала Габриэлу, называя ее Галей, отчего у последней нередко случался нервный тик.

Да, что греха таить, пару раз я тоже назвал ее так. Габриэла смолчала, но я слышал, как хрустнули ее зубы, а в меня прилетели все ее мысленные проклятия.

– Габриэла ушла в декрет, – сообщаю, нажимая на брелок открытия шлагбаума.

– Серьезно? А я думала она робот, – усмехается моя повзрослевшая дочь.

Еще раз бросаю на Риту взгляд и не могу поверить, что это моя щекастая кроха.

Вот так каким-то невероятным образом я незаметно подгребаю до «дядь».

**дноклы – на молодежном сленге -одноклассники*

Глава 3. Юля

– Какого хрена ты с ним закусилась? – впивается в меня своим поехавшим взглядом Сева-клавишник. – На что, блть, мне теперь целую неделю жить?

– На дурь не хватает? – огрызаюсь я.

– Че? Ты совсем берега попутала, идиотка? – вскакивает с диванчика этот абориген, возвышаясь надо мной.

– А вы не додумались получить этот долбаный qr-код, да? – тоже вскакиваю и ору в лицо придурку, надеясь, что вместе со словами до него долетят мои слюни.

– Э, харе, – Матвей встает и толкает друга в грудь. – Ветер, следи за языком. А ты тоже утихни, – это уже мне.

– Девку свою приструни, Мот, – Ветер обиженно плюхается на свое место, а я показываю ему средний палец.

«Сука», – шепчет одними губами.

«Пошел ты», – отвечаю ему.

Наркоман тупой!

Из всей группы Матвея я ненавижу только его – Ветра, а именно Севу Ветрова, мерзкого, скользкого наркушника, снабжающего ребят с младших курсов дешевой шмалью.

Ненавижу его.

Он постоянно меня цепляет.

И мне не нравится, как он на меня смотрит.

Удивительно, как Матвей с его гипертрофированной ревностью не заметил этого.

Я знаю, что Мот тоже балуется травкой или чем-то покрепче. Но он клянется, что перед выступлением легкие экстази не помешают, придавая энергии и уверенности, а после выступления помогают расслабиться. Он уверяет меня, что совершенно независим. Я хочу ему верить, но всё чаще вижу его таким: агрессивным, непредсказуемым, гиперактивным и фонтанирующим утопическими идеями, которые вряд ли возникнут у трезвого человека.

Не слышу, о чем бубнит Ветер, потому что музыка в клубе разрывает мои перепонки, но всем телом ощущаю от него токсичные вибрации, и, я уверена, обсуждает он меня с очередной фанаткой-подружкой-на-вечер.

Если говорить честно и отпустить всю мою ненависть к аборигену Севе, то он прав. Но только он один умеет выплеснуть мне в лицо все то говно, о котором думают, возможно, все в группе.

Ну кроме Бори-барабанщика. Потому что Боря-барабанщик – одуванчик!

Он такой мииилый!

Я до сих пор в шоке от того, как в этом парне сочетается поющий по выходным в церковном хоре боговерующий святоша и супер-барабанщик, матерящийся, как сапожник, и вытворяющий на установке такое, что любая самая богобоязненная монашка пустится во все тяжкие с задраным по-

долом под ритмичные удары Бори.

Бориску я обожаю!

А он меня!

Но я реально сегодня подвела ребят. Они практически ничего не заработали из-за меня. Точнее из-за того старого жадного козла.

Ну окей, он не старый...но ведь козел! И жадный!

Ну что, ему сложно было пару сотен подкинуть?

Так у него ни убыло бы.

Я его заметила сразу. От него прямо за километр ароматило деньгами!

Весь такой напыщенный породистый Петух – с – иголки!

Терпеть таких не могу!

Мой Мот тоже из этих самых «московских рублевских», но не кичится своим достатком, вернее положением его родителей, и ведет себя просто и без напускного пафоса, стараясь быть материально независимым от мамы с папой.

Именно поэтому Матвей собрал команду талантливых ребят, студентов Института современного искусства, где учатся все парни из группы, в том числе и я.

Только я заканчиваю третий курс хореографического отделения, а ребята с эстрады.

Я верно сказала, что участники группы талантливы, даже тот же наркушник Сева, черт бы его побрал, и тот считается лучшим клавишником потока.

Groove-мейкер группы басист Саня Бергенен, он же Берг, – настоящий фундамент группы, является лауреатом многочисленных международных конкурсов и фестивалей. Соло-гитарист Илья, офигенный аранжировщик и композитор группы. Это его музыку играют ребята под слова, которые пишут все вместе.

Ну и, собственно, отец группы – мой Матвей Свирский: хороший вокалист, но поступивший почему-то на инструментальщика, хотя как гитарист, если честно, он такой себе.

И я ему об этом говорила.

– Моя доля, сдачи не надо, – абориген бросает на стол курдюры и прищурено смотрит на меня. – Мы отдыхать.

Сева встает одновременно со своей мерзко хихикающей подружкой и протискивается между сидящими.

От радости, что эта наркушная сволочь сваливает, – расползаюсь в довольной улыбке, и пусть он это видит.

– Погоди, Ветер, провожу, – Матвей убирает руку с моей коленки и прислоняется очень близко к уху, – не скучай, детка, я быстро.

Ненавижу эти его «малышки», «детки», «киски».

Обвожу взглядом каждого сидящего за нашим столиком: Илья откровенно обменивается слюнявыми бактериями со своей девушкой, Берг тискает какую-то девчонку, извивающуюся на его коленках, а Боря, как обычно, что-то чекает в своем телефоне.

А мне скучно.

Я не могу сидеть на месте и вечно ищу проблем на свою задницу.

Так говорит Матвей.

Подвигаюсь ближе к Боре и заглядываю в его телефон.

– Что делаешь? – кладу голову ему на плечо и пытаюсь рассмотреть мерцающий экран.

Стробоскопы ослепляют и проходятся по мне лазерными лучами. Неприятно.

– Ммм? – не отрываясь от телефона, спрашивает друг.

– Дай мне, – пытаюсь вырвать из рук Бори телефон, но он ловко уваливает от меня.

– Отвали, у меня важная катка*, – отворачивается и прячет руки с телефоном под столом.

– Ну Бооорь, – ною я, – мне скучно. Пойдем танцевать?! – толкаю кулаком друга в плечо.

– Блть! – ругается Боря и поворачивается ко мне. – Просрал из-за тебя.

Победно улыбаюсь!

– Танцевать, Боря! – вскакиваю с диванчика и тяну друга в самую кофейную гущу.

На танцполе не протолкнуться.

Мы здесь все, как селетки в банке с душком: потные, вонючие, мокрые и слизкие.

Но это совершенно не мешает нам с Борей зажечь!

Наши танцы – гибрид из моих профессиональных классических па и Бориного мужского стриптиза из какого-нибудь

малоизвестного пригорода.

Но выглядим мы всегда шикарно!

Сельский Бурлеск на гастролях!

Тремся с Борей попами, а руки друга незатейливо проходят по моей груди. Такое я могу себе позволить только с ним. Потому что мой парень – ревнивый собственник и мне ни раз от него прилетало за такие откровенные танцы. Мне кажется, Матвей ревнует меня даже к балетному станку.

А вот Боря имеет статус «неприкосновенности», потому что все в группе считают, что Бориска – гей.

Если честно, я бы хотела, чтобы так оно и было, уж больно нравятся мне наши с ним жаркие танцы!

Потому что танец – моя жизнь. Я не представляю себя настолько наполненной и цельной в чем-то другом, только в танце. Танец добавляет в мою жизнь новые ощущения, спрятанные глубоко внутри, дает возможность стать кем-то иным, свободным.

Танец – это моя душевная музыка, а каждое движение – его нота. Любой танец звучит по-разному, с присущей только ему громкостью, ритмичностью, тональностью и ладом. Танец – мой наркотик, и подседа я на него давно, еще в детстве.

– Нравится жопой крутить, да, киска? – дергаюсь, когда мою талию обхватывают руки Матвея. – Свободен, – нахально кивает Борису и прижимает меня к себе теснее.

– Ты чего, Мот? – отшатывается Боря и непонимающе смотрит на парня.

– Мне просто не нравится, как танцует моя женщина.

– Если тебе не нравится, как танцует твоя женщина, возможно, эта женщина не твоя? – продолжает Боря, а у меня опускается челюсть, как у скелета из кабинета биологии.

– Боря, нах** пошел, умник недоделанный, – зло цедит Свирский.

Ошарашенно смотрю на Матвея. Здесь, в полумраке задымленного клуба, я отчетливо различаю расширенные зрачки, расфокусированный взгляд и то самое выражение лица, которого боюсь: агрессивное, животное, необузданное.

–Заканчивал бы ты, друг, с *этим*. Совсем на голову отбитым становишься. Юль?

– Че ты сказал? Боря, свалил бы ты, нахрен, скорее, а то некому будет завтра бабушек Аллилудей в церкви развлекать, – Матвей дергается в сторону друга, точно озлобленный бык на корриде.

Бросаюсь вперед и встаю между парнями. Я не хочу, чтобы мой друг пострадал из-за меня, сегодня я и так лишила их заработка.

– Боря, всё нормально. Мы разберемся, – умоляюще смотрю на друга.

Иди же, ну.

У Бори раздуваются крылья носа, сжаты кулаки, и весь он предельно собран, чтобы дать отпор. Но силы-то не равны.

Свирский – здоровый бычара, а Боренька – худой циркуль с меня ростом.

– Лучше беги, Боря, – провоцирует его Мот, нахально складывая руки на груди, – защитник хренов.

Прикрываю на секунду глаза. Вот же придурок!

– Борь, – прошу друга.

Переводит взгляд с меня на Матвея и обратно.

Жду.

«Уходи, уходи, уходи», – мысленно посылаю ему сигналы.

Сомневаясь, Боря еле заметно кивает, разворачивается и уходит в сторону нашего столика.

Выдыхаю.

Поворачиваюсь к своему неадекватному парню и собираюсь уже разнести его к чертям, но не успеваю, потому что Мот грубо хватает меня за подбородок, больно вдавливаясь в него большим пальцем.

– Всем так открыто себя предлагаешь, да, Юляшка? – по моей спине пробегают мурашки, только не от удовольствия, а от страха. – А мне не даешь, – впивается в кожу шеи, жестко стягивая ту в рот.

Сволочь, опять оставит засос.

А у меня экзерсис в понедельник у Смелковского, который и так меня не жалуется.

– Отвали, – хочу оттолкнуть Свирского, но Матвей мертвой хваткой удерживает запястье, отчего то начинает саднить.

– Куда собралась? Опять динамишь?

– Отпусти. Ты делаешь мне больно, – пытаюсь выдернуть

руку, но тщетно.

– До каких пор ты будешь держать меня на голодном пайке, а, Юляшка? – скалится Матвей, нервно шмыгая носом.

– До тех, пока не перестанешь мне врать. Ты опять под чем-то, Мот? – толкаю его в грудь. – Ты обещал.

– Я чист. Ты задолбала меня контролировать, – толкает меня в ответ.

Я оступаюсь, но клубное месиво не дает мне упасть. Меня кто-то ловит, и я незамедлительно срываюсь прочь, пока мое тело свободно.

– Юль, – слышу, как орет Свирский, – да твою ж мать!

Выбегаю из прокуренного душного помещения, и тело моментально холодеет. На улице конец мая, но в Москве вечерами прохладно. Обнимаю себя руками и радуюсь, потому что в заднем кармане комбинезона нащупываю телефон.

Набираю Боря и молюсь, чтобы друг с абсолютным музыкальным слухом расслышал среди бьющих басов мой звонок.

– Юлька, ты где?

Слава Богу!

– Боря, я на улице, у входа. Забери, пожалуйста, мою рубашку и рюкзак, – умоляюще прошу друга, – только Свирскому ничего не говори.

– Понял, жди.

Отхожу подальше от курящих. Завистливо смотрю и мечтаю вдохнуть свой любимый чернично-ванильный десерт.

Мне нужно успокоиться.

**катка — партия в компьютерную игру.*

Глава 4. Юля

– Пссс, Юлька, – слышу, как зовет меня Алка, но не рискую отвечать, потому что Смелковский опять недобро на меня поглядывает.

–Так, стоп-стоп-стоп! – шлепает в ладоши Александр Маркович. – Наталья Владимировна, давайте еще разок со второй репризы, ну никуда не годится! Хуже пингвинов! – обращается к нашему концертмейстеру Смелковский, а по залу проносится недовольный гул несогласия.

Потому что Александр Маркович Смелковский – садист классического танца! Он реально измывается над нами, забывая, что мы – современники, а не классисты. Он дерет с нас не три, а все четыре шкуры, но больше всех достается почему-то мне.

Я не знаю почему Смелковский меня не взлюбил еще с первого курса. Только по его дисциплине «Методика классического танца» у меня проблемы, а по всем остальным я примерная хорошистка. И как вспомню, что нам с ним сюивить* до конца учебы, так каждый раз вздрагиваю.

Я терпеть не могу классический танец! Возможно, я бы лояльнее к нему относилась, если бы вел эту дисциплину кто-нибудь другой.

Я терпеть не могу классический танец и Смелковского то-

же! Будь он проклят со своими батманами и арабесками!

– Внимание! Прэпарасьон! И... пятая позиция, томбэ** с полуповоротом сюр ле ку дэ пье,*** – орет этот садюга, а по залу вновь раздается гул возмущения.

– Что за бунт? Шевелите своими жирными задницами!

Ну что за придурок сказочный, а?

Да в нашей группе ни одной девочки больше 55 кг нет, ну что он несет?

Ненавижу!

– Юлька, – шепчет Алка, – ау, Сурикова!

– Ну? Чего тебе? – не разжимая губ, спрашиваю подругу.

– А где у Мота сейчас занятия, знаешь?

Свирский–то ей зачем сдался?

– Не знаю, – грубо отвечаю и делаю поворот. – И знать не хочу.

– Воу, в королевстве не все спокойно? Поругались, что ли? – не унимается Алка.

– Сурикова! – ну вот, а попадает, как всегда, мне. – Я смотрю, вы у нас лучше всех подготовлены, что даже во время экзерсиса поболтать успеваете? – довольно выплевывает Смелковский, будто только и ждал, за что можно зацепиться. – Тогда будьте так любезны, расскажите всем нам, как должны работать руки во время исполнения томбэ с полуповоротом сюр ле ку дэ пье от палки?***** Кстати, этот вопрос будет на теоретическом экзамене. Ммм? Мы все ждем, Сурикова.

Вот гад.

В одном месте я знала, как должны работать руки от этой долбанной палки.

Бросаю на Алку убийственный взгляд и мысленно расчлениваю подругу. Из-за нее мне снова влетело. Подруга виновато пожимает плечами и пытается сдержать рвущуюся наружу улыбку.

Ничего, Рюмина, попросишь ты у меня списать лекцию по «Истории культуры». Фигушки!

– Стыдно, Сурикова, очень стыдно, – деланно печалится изверг, а сам, наверное, ликует. – Не знаете и другим мешаете заниматься. Продолжаем, – хлопает в ладоши и победно улыбается своей рыжей физиономией.

Ржавый садюга! Достал!

Еще тридцать минут Смелковский мучает нас на палке, а потом гонит на середину зала.

У меня отваливается всё, особенно спина, но я терпеливо сжимаю зубы и собираю в себе остатки сил, чтобы этому ржавому козлу не к чему было придраться!

– Сурикова, – хлопает по спине садюга так, что я подаюсь корпусом вперед.

Когда он успел подобраться так тихо и незаметно? Ну что опять ему от меня нужно?

– Что с вашими руками, почему провисают локти?

Да потому что я устала от ваших нудных занятий и вечных

придинок!

Спокойно, Сурикова, помни, что тебе еще ему экзамен сдавать.

Смелковский, пристроившись со спины, обхватывает мои руки и разводит в стороны. Он так омерзительно близко, что я собранным пучком волос чувствую его рыжую бороду.

Меня сейчас стошнит!

– Сурикова, от вас разит за километр. Вы опять курили? – шепчет на ухо Смелковский так, чтобы услышала только я.

Напрягаюсь всем телом и перестаю дышать.

На черта он так близко?

Вспоминаю про засос Матвея и боюсь, как бы под тонной тонального средства слишком проницательный препод не заметил еще и его, ведь тогда этот ржавый батманщик нажалуется декану о моем неподобающем студенту Института искусств поведении. А я и так там одна из первых в очереди по получению пиздюлей.

С-стабильность!

– Что-то для километра вы слишком близко ко мне стоите, – огрызаюсь я.

Ну вот, не сдержалась. Оно само как-то получается.

– Дерзишь? Ну-ну. На экзамене я посмотрю, куда денется твоя смелость. Работаем!

Да что он прицепился ко мне?

– Да погоди ты! – где-то сзади вопит Алка.

Я несусь по рекреации, расталкивая всех на своем пути.
На воздух!

Внутри меня полыхает огнем, и, если я сейчас не покурю, точно взорвусь!

– Да успокойся ты уже, – подруга ровняется со мной, и теперь мы несемся вместе.

– Не могу! Я ненавижу его! Че он хочет-то от меня? Прицепился, как репейник к жопе.

– Может, тебя хочет? – хохотнув, выпаливает подруга.

Резко останавливаюсь и с распахнутым ртом поворачиваюсь к Рюминой.

– Закрой рот, Сурикова, а то продует. Я серьезно. Может, ты ему нравишься, а он не знает, как к тебе подступиться, – пожимает плечами Алка.

– Фуу, – только она могла до такого додуматься, – он же старый и... рыжий, – морщусь, вспоминая его редкие рыжие волосики.

– А что, старому и рыжему, думаешь, не могут нравиться хорошенькие девочки? И не такой уж он и старый, ему сорок пять. И если снять с него лосины и сбрить эту козлиную бородку, может, он будет ничего! – хохочет Алка.

– Вот именно, что даже после всех этих манипуляций, он так и будет ничего из себя представлять! – теперь мы хохочем вместе, и я уже не так паршиво себя чувствую.

– Какая ты жестокая!

– Но я не страдаю от этого!

Мы заворачиваем за корпус туда, где обычно курят студенты. Здесь всегда очень шумно и хайпово. И именно здесь можно узнать самые свежие сплетни и новости.

– Так что там в вашем королевстве? – Алка бросает спортивный рюкзак на землю и достает свой черный вейп.

У нее каждый раз новые вкусы, а вот я за стабильность, поэтому вдыхаю свою любимую ванильную чернику и чувствую, как начинаю расслабляться.

Каеееф!

– Ничего, как обычно, Алл, поцапались, забей.

Все выходные Свирский насиловал мой телефон сопливыми сообщениями. А вчера вечером курьер притащил длинные бордовые розы от него. Ну такие, знаете, с которыми обычно селфятся в зеркало для инстаграм с надписью «Любимый подарил».

Только вот я терпеть ненавижу розы, особенно бордовые, ассоциирующиеся у меня с бархатной обшивкой для гроба.

И об этом я тоже говорила Моту. Но он все равно каждый раз присылает именно их.

– А зачем тебе надо было знать, где у него занятия? – затаиваюсь и медленно выдыхаю, рассматривая, как Алка взбивает свои короткие волосы, придавая объем.

– Да нужен мне твой Свирский, – пренебрежительно фыркает Рюмина, – меня другой персонаж из его группы интересует, – загадочно улыбается подруга.

Интересно.

Это точно не Боря, у Илюхи девушка есть, Берг мог бы зацепить Рюмину, но он учится на курс младше, тогда остается один.

Да ладно?

– Ветер? – округляю глаза и неверующе смотрю на подругу.

– Фу, Сурикова, закатай глаза обратно, ты похожа на бешенную тарашку.

– Ты серьезно, Ал? Он же торчок.

– Но обаятельный торчок, согласишься? – смеется моя обезбашенная подруга.

– Да Боже! Ал! Тебя нравится Сева? Поверить не могу, – сокрушаюсь в шоке я.

– Ты видела его тело? Он же сам Бог!

– Ага, Бог Бафомет,***** точно! – соглашаюсь я.

– Аполлон! – спорит Рюмина.

– Аполлон не наркоманил, – хохочу, забавляясь нашим бестолковым разговором.

– Ты не можешь этого знать. И к тому же, Аполлон был покровителем искусств и олицетворением мужской красоты. Всё сходится!

И ведь не поспоришь.

Сдаюсь.

Бесспорно, Сева – привлекательный парень, возможно, он даже самый яркий персонаж в группе, но лично меня такие особи не впечатляют. Слишком смазливый снаружи, но

уродливый внутри. Вокруг Севы всегда выются толпы девчонок, заглядывающих ему прямо в рот и мечтающих, чтобы на их «клавишах» этот подонок сыграл. Неужели моя Алка тоже записалась в его фанатки?

– А если серьезно, Ал?

Шутки шутками, но Ветров – далеко не тот экземпляр, рядом с которым я хотела бы видеть свою лучшую подругу.

С Аллой Рюминой мы познакомились на вступительных испытаниях. Ее сложно было не заметить: яркую, короткостриженую брюнетку с сексуальной ухмылкой. Она обращала на себя внимание всех поступающих, да и экзаменаторов, не сомневаюсь, тоже! Ее громкий, заводной смех разносился по всему тренировочному залу!

А что она творила на паркете!

Серьезно, у меня случилась эстетическая кома, когда я увидела Алкин чувственный Вог под хаус-мелодию. Я такого никогда не видела.

В моей Астрахани, откуда я родом, так не танцуют, да и вряд ли знают даже само направление Вога.

Я тогда еще подумала, что мне со своим контемпом здесь ловить нечего, но поступила!

Я стояла за кулисами с широко открытым ртом, когда мимо меня изящной подиумной походкой проплыла Алла, бросив свое коронное рюминское: «Прикрой рот, а то продует!»

Так и подружились!

За три года обучения, куда мы только с Рюминой не вля-

пывались, из каких только переделок не выкручивались, но нужно отдать Алке должное, у нее всегда оставалась голова на плечах, при всем ее раскрепощенном и бунтарском характере. Она знает, когда нужно остановиться, где улыбнуться, а кого послать на хрен. Рюмина всегда мне казалась старше своих лет, опытнее, да и выглядит она убедительнее и взрослее. Не знаю, возможно, это из-за ее короткой беспорядочной стрижки, возможно, из-за ее сексуального хищного взгляда, которым она одаривает тех, кто ей выгоден.

Вот поэтому за бухлишком всегда ходит она.

Потому что мне не продают! И постоянно просят документ, который я благополучно забываю.

Я так, как Алка, не умею. Если я отрываюсь, то теряюсь в ощущениях, где нужно смолчать – мой язык существует отдельно от моего мозга!

– А что? Мне с ним траву не курить. А для здоровья такое тело грех не пользоваться! – подмигивает подруга, а я обреченно качаю головой.

И сколько бы неутешительных доводов я сейчас не привела, Рюмина все равно сделает по-своему.

Впрочем, я сама такая, че уж.

– Лучше бы ты запала на Берга. Хороший парень, – недовольно бормочу подруге.

– Слишком хороший. Жаль, что мое тело не выбирает, кого ему хотеть, – философски заключает Алла.

– А душа? – интересуюсь.

– А о душе мне еще рано задумываться, – надевает свою черную кожаную косуху, – подумаю о ней лет так в сорок!

Ну не знаю...

Может, я слишком романтична, но для меня важно, чтобы не только мое тело выбирало и хотело, но и сердце. У Алки разнообразная личная жизнь, а вот у меня дальше глубоких поцелует и поглаживаний с Мотом не заходило.

И если в свои двадцать я еще девственница, это не значит, что я отношусь к ней, как чему-то святому и неприкосновенному, и не собираюсь хранить ее до прихода свидетелей иеговых, просто я не чувствую, что Свирский – тот самый. Я не жду тех самых бабочек в животе и всё такое, но я должна доверять своему партнеру, а не бояться. А в последнее время я боюсь Свирского.

Я прекрасно знаю все эти «нельзя отказывать парню в близости, иначе он найдет ее на стороне» и прочее. Но не понимаю этого. Если Матвею важно только пользоваться мое тело, как сказала Алка, то я не лучшая кандидатура. А если важна я, то подождет и добьется моего доверия. Я не из стеснительных и не робкого десятка, но ложиться в постель только из-за того, что мне уже двадцать, я не собираюсь!

– Готова? – дождавшись моего кивка, подруга застегивает свой яркий красный шлем, – ну тогда погнали!

**Suivi – (сюиви)-непрерывное последовательное движение, ноги мелко перебирают одна возле другой.*

****Tombe** – падение, перенос тяжести корпуса на открытую ногу вперед, в сторону или назад.

*****sur le cu de pied** – положение ноги на щиколотке другой, опорной ноги.

******палка** – балетный станок.

*******Бафомет** – темный Бог, воплощение Сатаны.

Глава 5. Юля

На парковке Алкин ярко-красный скутер выглядит точно небрежно брошенная капля краски на холст. Рюмина паркует его там, где придется, потому что вечно опаздывает, а потом забывает, где бросила.

Несколько раз парни прикалывались над ней и утаскивали скутер за корпус. Разъярённая Алла Рюмина – мечта любого мужчины! Такая сексуальная дикая кошка, позволяющая на себя глазеть, но не трогать, иначе выцарапает глаза.

Когда я впервые увидела Алку на скутере, я влюбилась в нее во второй раз. Свободная от чужого мнения, раскрепощенная, независимая Рюмина въехала на парковку так, будто она сидит за рулем Мазератти! И никто! Никто даже близко не посмел отпустить в ее сторону глупые шуточки. Так изящно преподнести говно на тарелке может только Алла Рюмина!

С Алкой нам в одну сторону, и я уже предвкушаю, как мы будем «пердеть» со скоростью 30 км/ч и бесить нервных, вечно опаздывающих москвичей! Кататься с Рюминой на ее минипиздике – то еще удовольствие! Эндорфины зашкаливают, а нижняя часть лица болит от безостановочного смеха!

– О, подруга, – смотрит мне за спину и убирает с подножки минимотик, – кажется, нам с тобой сегодня не по пути.

– Что? – непонимающе кручу головой и вижу Свирского, торопливо приближающегося к нам.

Разглядываю парня и понимаю, что вот по такому Матвею я соскучилась: обаятельному, ухоженному парню с потрясающей улыбкой и одной милой ямочкой на левой щеке, с чистыми серо-зелеными глазами, в которых нет места агрессии и истеричности.

– Девчонки, привет, – здоровается Свирский, но смотрит исключительно на меня.

Улыбается своей самой дружелюбной улыбкой, которая когда-то подкупила мою романтическую натуру.

Он это умеет, и нагло пользуется этим.

– Здорова, Мот! – машет рукой Алка и проворачивает несколько раз ключ в замке, прокачивая двигатель. – А где Ветров, не в курсе?

– Не знаю, – Матвей пожимает плечами, – я сегодня там не был, – кивает на здание Института.

Оно и видно, потому что Мот одет в широкую белоснежную оверсайз толстовку, фисташковые шорты, брендовые кипельно белые кроссовки и длинные носки этой же марки. Его высветленные волосы спрятаны под белой кепкой козырьком назад, и я балдею от его такого тинейджерского вида.

– Печально, но не страшно! Ладно, ребяташки, пора мне! Юлька, – посылает мне воздушный поцелуй, – пока! Мотенька, чао! – хохотнув, выруливает с парковки.

Я же говорю, Алле Рюминой можно всё!

Если бы Свирскому кто-нибудь другой сказал «Мотенька», думаю, этому бедолаге еще долго бы не понадобилась зубная паста.

Матвей хмыкает и лениво почесывает бровь.

– Зачётная неделя, Матвей, – поучительно напоминаю ему, – не помню, чтобы ты ходил в отличниках.

– Все под контролем, фиалка, – ага, как же. – Юльк, ну не дуйся, – протягивает мизинец и улыбается так, что Станиславский определенно бы крикнул коронное: «Верю!». – Мир?

Ну конечно мир, куда я денусь?

Вытягиваю свой мизинец, и Матвей ловко переплетает их, притягивая нашими сцепленными пальцами к себе.

Утыкаюсь в его грудь и поднимаю голову.

Вот он – мой Матвейчик!

– Я был не прав, обещаешь простить?

– Обещаешь завязать? – пусть не думает, что так просто отделался.

– Юль, я не наркоман. У меня всё под контролем, просто верь мне, окей? – его тон ровный, многообещающий и внушает доверие. Но ни один наркоман не скажет, что он наркоман, а я слишком хочу верить своему парню, и буду это делать снова.

– Хорошо, – улыбаюсь Моту, и сама тянусь за поцелуем.

Я люблю целоваться с Матвеем. Он не доминирует и поз-

воляет мне вести наш танец языков, а мне нравится чувствовать превосходство над ним.

– Юлька, соскучился, блин, – горячо дышит мне в губы, а руки уже во всю лапают мою попу. – Поехали, иначе сожру тебя прямо здесь.

Смеюсь и изворачиваюсь от парня. Свирский забирает мою спортивную сумку и закидывает себе на плечо.

Беремся за руки и идем в сторону его машины.

– Тебе цветы понравились? Так ничего и не ответила.

Я всегда должна благодарить Матвея, всегда.

Будь то подаренный цветок, либо шоколадный батончик из столовки. За каждый оплаченный им стаканчик кофе или выпрошенную жвачку. Для него это важно, красным выделенный пункт, который я должна непременно соблюдать. Но в тот день я была на него зла, и мое молчание – удар по его самолюбию.

– Понравились, – вру я, – спасибо!

– Они офигенные, скажи? Я за них столько бабла отвалил, – восторгается Свирский, а меня накрывает раздражением.

Вот всегда так. Одним «спасибо» не обойдётся. Непременно нужно пропеть дифирамбы и слова восхищения.

Бесит.

Вот и дарил бы себе любимому.

– Да, красивые очень, спасибо! – скрипя душой, выдавливаю из себя.

Весь романтичный флер как ветром сдувает.

Мне уже не хочется садиться в его кричащий Гелендваген, куда больше я сейчас предпочла ползти черепахой на скутере с Рюминой.

Матвей небрежно открывает мне дверь своего зверя, но руку подать забывает.

Это тоже не ново, и я уже устала напоминать ему об этом, поэтому молчу и корячусь сама, радуясь своей танцевальной растяжке.

Страхиваю с сиденья крошки и пустую банку из-под энергетика.

В машине Мота всегда полный срач. Здесь каждое отверстие забито обертками, грязными салфетками, какими-то проводами и зарядками, пустыми пачками сигарет, исписанными листками бумаги и съемными резервуарами вейпов.

Иногда прямо во время движения на Матвея снисходит озарение, и он хватается за ручку с листом, набрасывая стихи к песням. Свирский никогда не пользуется электронными помощниками, предпочитая бумагу и карандаш, которыми забита вся машина.

Задние кресла его внедорожника заняты частью аппаратуры, а еще многочисленными кроссовками, которые Свирский несколько раз меняет за день.

– Это тебе, – бросает мне на колени серо-зеленую упаковку, – матушка передала.

Я смотрю на коробочку и расплываюсь в широченной

улыбке!

Соленые лакричные конфеты!

Как-то в гостях у Мота, мне посчастливилось попробовать необычные лакомства, которые его мама привезла из Финляндии. Специфический кислый вкус соленой лакрицы поразил меня тогда до беспамятства.

Я и не думала, что мама Матвея обратит на это внимание и запомнит такой сущий пустяк. А оказалось вон как!

– Офигеть! – открываю плотно закрытую упаковку и достаю самую черную конфетку в виде рыбки. – Будешь? – сую ее Моту, отчего парень брезгливо передёргивает плечами.

– Фу, блин, убери. Как ты можешь эту дрянь есть? – кривится Свирский, а я от наслаждения прикрываю глаза и медленно жую, растягивая соленое удовольствие.

– Ммм, фантастико! – мурлычу я. – Спасибо Ирине Владимировне передавай. Они приехали уже?

– Сама ей передашь, – отрезает Мот. – Приехали вчера.

Опять это ненормальное заикливание на благодарностях!

И я бы сейчас снова взбесилась, но мое настроение крепнет под действием серотонина, и я решаю забить и продолжить наслаждаться конфетами.

– Полегче, фиалка, а то леотард* на заднице треснет, – ржет Свирский, – не гневи лишний раз Смелковского.

– Кстати, – вытаскиваю изо рта недоеденную конфету и убираю обратно в коробку, – Моть, он опять до меня доба-

рался, — делаю печальную гримасу, надеясь вызвать в своем парне сочувствие. — Я уверена, он не допустит меня до экзамена, — кладу руку на колено парня и начинаю медленно вырисовывать на нем незатейливые узоры. Я надеюсь, что выглядит это как заигрывание и задабривание. — Может, через Ирину Владимировну можно...

— Нет, Юль, — грубо перебивает меня Свирский и перехватывает мою руку, прижимая к своему паху, — по такой мелочи, как ваши разборки с преподам, к матери я обращаться не буду. Вопрос закрыт.

По такой мелочи?

Его девушку каждый раз на занятиях изводит какой-то ржавый гаденыш, а он называет это мелочью? Вот так, значит?

Яростно выдергиваю руку и отворачиваюсь к окну.

Ну и пошел он! Сама справлюсь!

— Юльк, ты че, обиделась? Пыхтишь, как паровоз, — просовывает одну руку мне в волосы и мягко массирует кожу головы.

— Отвали, — буркаю я.

— Ну не обижайся, фиалка, — Матвей сильнее вдавливают педаль газа, и меня припечатывает к креслу.

Это запрещенный прием, и Свирский хорошо уведомлен об этом.

Мы несемся с запредельной скоростью по Ленинскому проспекту, и я больше не могу сдерживаться.

Открываю окно, Мот врубает колонку, и вот мои волосы уже треплет встречный ветер. Я обожаю скорость!

Вытаскиваю руку и ловлю потоки бодрящего воздуха, перекрикивая свою любимую песню.

– Придешь вечером на репетицию? – Матвей отпускает мои горящие от поцелуев губы и заглядывает в глаза.

Мы стоим, припарковавшись напротив моего подъезда и собирая восхищенные взгляды детей на площадке. Раньше мне тоже нравилась машина Мота. И мне льстило, что из всех девчонок нашего вуза на такой тачке увозят меня.

Сейчас же...

Наверное, я зажралась.

– Не могу, – пожимаю плечами, – зачетная неделя, Моть.

– Зубрила, – подсмеивается надо мной Свирский.

– Нет! – толкаю кулаком в плечо.

– Зубрила, зубрила! И когда теперь мы увидимся?

Пожимаю плечами.

У меня мамы-депутата Госдумы нет, мне приходится самой сдавать зачеты и экзамены.

– Ну в субботу же на Арбате будешь? – затягивается и выпускает дым с ароматом крепкого кофе в приоткрытое окно.

Удивленно смотрю на парня.

– Не волнуйся, – усмехается Свирский, – qr-код есть.

– Как? – подсказываю в кресле.

Очень сложно получить злосчастное разрешение на вы-

ступление в таком «прикормленном» месте как Арбат. Молодые коллективы заранее бронируют даты, время и площадки. Очередь из желающих настолько огромна, что нужно быть чертовым везунчиком или... сыном депутата.

– Пришлось матушку напрячь, – ржет Матвей и тянется за бутылкой воды. – Юляш, подай, а?

Ну понятно.

Это же для него нужно, поэтому можно для себя и попросить. А я – не той степени важности, для которой стоит жопу рвать.

– Выходит, вы забрали чье-то время и место? – я не разделяю энтузиазма Матвея, потому что знаю, какого пробижаться самому, не имея связей и спонсоров.

– Подвинули там каких-то, ага, – смеется Свирский. – Ну ты че, фиалка? – замечает мою кислую физиономию и приобнимет за плечи. – Переходы в метро никто не отменял.

А мне вот не смешно.

– Ладно, Мот, пойду я, – отстегиваю ремень, – в субботу увидимся.

– Люблю тебя, малышка, – лезет за поцелуем, но неприятный осадок после нашего разговора не позволяет ответить ему.

Отстраняюсь и совсем неграциозно выпрыгиваю из тачки, на ходу бросая:

– Ага.

– Тохе привет передавай, – кричит в окно Свирский и за-

ВОДИТ ДВИЖОК.

**Леотард – гимнастический купальник.*

Глава 6. Константин

– Надеюсь, мы слышали друг друга, Владимир Архипович. И на будущее, внимательнее читайте договор. Моя юрисдикция закончилась тогда, когда гражданин следовательно полностью прекратил уголовное дело в отношении вас, уважаемый Владимир Архипович, – поглядываю на своего стажера, сжимающего карандаш, и усмехаюсь. – А на счет компенсации потерпевшей стороне, мой вам совет – не покупитесь и спите спокойно. Всего доброго, – нажимаю отбой и бросаю мобилу на стол.

«Гнида поганая, чтоб тебе до конца твоих дней по ночам снились кошмары», – проклиная про себя эту паскуду и устало обхватываю голову.

– Вот сволочь, – Тимур вскакивает с кресла и остервенелю жует нижнюю губу, чтобы, не дай Боже, ни ляпнуть то, что мне скорее всего не понравится. – Ему дело коротнули* вместо прошенной переквалификации, а он еще пальцы гнет, – сокрушается мой стажер. – Как у вас так получается, Константин Николаевич? – заглядывает мне в лицо, словно на нем подробно расписаны все ответы на мучащие его вопросы.

– Получается что?

Прекрасно знаю, о чем спрашивает Тимур, но хочу про-

верить степень его эмоциональной лабильности.

– Чтобы не послать его на хрен.

– Если я пошлю его на хрен, Тимур, ты останешься без работы, – растираю виски. Башка раскалывается до плавающих мушек в глазах.

– А вы? – выгибает бровь.

– А я найду другую.

Тимур цокает и невесело усмехается.

– Он же урод последний, – не унимается Кайманов и начинает мельтешить перед глазами, расхаживая по кабинету и нервируя меня еще сильнее.

– Урод, – подтверждаю, – который платит. А ты, – наставляю на него указательный палец, – потом ешь и одеваешься. Затем этот урод советует тебя, – снова указываю на него, – другому такому же, как он, уроду, и ты снова ешь, одеваешься и ведешь свою подружку в кино.

– Какой-то круговорот уродов в природе, – заключает Кайманов и плюхается обратно на свой стул.

– Такова наша работа, Тимур. Эмоциям в нашем деле – не место, ты должен это знать, как Конституцию Российской Федерации. Ты ведь понимал, куда шел работать? Или мне начинать подыскивать нового стажера, а ты сменишь специализацию?

– Понимал, – обреченно вздыхает Кайманов, переводя свое внимание на окно, из приоткрытой форточки которого, доносятся звуки адски приторной попсытины, что сводит

зубы. – Но какой гнилой этот Буданов всё-таки. Закрысить аморалку** потерпевшему с такими-то бабками... – осуждающе качает головой.

Согласен.

Паскуда редкостная, но... хорошо оплачивающая и с большими подвязами, которые всегда могут пригодиться.

Смотрю на своего молодого стажера и понимаю, насколько он еще зеленый и не испорченный деньгами и жизненными подзатыльниками.

Вспоминаю себя...

Мой юношеский максимализм, горячность и прямолинейность суждений – вот так же, как у моего стажера, заставляли гнаться за правдой и справедливостью. Ты считаешь себя чертовым героем, способным спасти и защитить весь мир.

Ты так думаешь ровно до тех пор, пока до голой задницы не протираешь брюки, сидя государственным бесплатным назначенным адвокатом, защищая мелких наркушных гопников или хитрожопого мошенника, выманившего по телефону у старухи отложенную пенсию.

Ты так думаешь ровно до тех пор, пока не получишь государственную зарплату, хватающую лишь на то, чтобы залатать эту дырку на брюках, а не купить себе новые.

А потом ты уходишь в частную адвокатскую контору, где начинаешь защищать «толстых кошельков» и получаешь свою первую зарплату, позволяющую к новым брюкам подобрать еще и рубашку с носками.

Если вы считаете, что адвокатское дело – это борьба за правду, то глубоко ошибаетесь. Адвокат – это не всегда про справедливость. Адвокат— это защита. Но защищать можно и отпетых мудаков, филигранно меняя квалификацию их инкриминируемого деяния на менее тяжкую или, вообще, добиться полностью оправдательного приговора. Поэтому ты либо отключаешь эмоции и гребешь бабки, либо страдаешь вместе с пенсионерами юрисконсультom над претензионным заявлением в Водоканал.

– Всё, Тимур, – смотрю на циферблат наручных часов, – давай по домам, – собираю документы и убираю в сейф. – Родителям привет передавай и не забудь в понедельник Чи-Жа*** закинуть, – закрываю на кодовый замок сейф и смотрю на стажера.

– Будет сделано, шэф! – выкрикивает Тимур, приставляя к виску раскрытую ладонь, точно воинское приветствие, и по-армейски разворачивается на пятках. – Хороших выходных, шэф!

Кайманов скрывается в дверях, а я закидываюсь таблеткой от головной боли, ставлю на сигналку офис и закрываю помещение.

Арбат кишит.

Сегодня суббота, а, значит, большинство может позволить себе прогуляться по одной из самых исторических улиц Москвы.

Я не вхожу в их число, поэтому скорым шагом двига-

юсь вдоль новой выставки архивных фотографий Блокадного Ленинграда, мечтая скорее выбраться из душного скопления людей.

В следующем переулке стоит мой автомобиль, но я не успеваю до него дойти, потому что мое внимание привлекают сиреневые волосы, подсакивающие вместе с его хозяйкой.

Я останавливаюсь и узнаю тех самых «бременных музыкантов», которых разогнал в прошлую пятницу. Тот же состав, по которому я безжалостно прошелся бульдозером из-за вот этой девки, выплясывающей под какую-то жутко знакомую попсовую блевотину.

Она чёткими движениями попадает точно в ритм мелодии, что мгновенно становится ее частью. Ее тело пластично и грациозно вырисовывает танцевальные комбинации, приковывая внимание.

Сейчас музыканты уходят на дальний план и вряд ли интересуют всю эту толпу зевак. Все их взгляды прикованы к тонкой гибкой фигурке, изящно лавирующей со шляпой в руках между туристами.

Она выгибается волнами, а ее волосы отливают сиреневым шелком. Ее улыбка гипнотизирует и заставляет глазееющих открывать кошельки и выгребать из них всё содержимое.

Чертова цыганка!

На мгновение она обездвиживает и меня: и вот я уже

скольжу по ее совсем не женским, а угловатым изгибам открытых бедер, впалому животу и длинным ногам, затянутыми крупной капроновой сеткой. Мизерные, ничего не прикрывающие джинсовые шорты и черная укороченная толстовка с капюшоном – на ком-то другом выглядели бы пошло и вызывающе. Но не на ней.

Дерзко, провокационно, расслаблено!

Она кричит всем, что молода и свободна, а на мнение других ей плевать.

Сегодня, я уверен, у ребят есть разрешение, и меня ничего здесь больше не держит.

– Это должно было быть наше бабло! – оборачиваюсь на крик и звон падающих на землю монет.

«Олимпийский» стихает, а толпа возбужденно напрягается, переключая внимание на источник нового зрелища.

– Вы чего, ребят? – сиреневолосая смотрит на валяющуюся у нее в ногах шляпу и на рассыпанные по земле купюры и мелочь.

– Нормально калымится? Нигде не жмет? – возвышается над испуганной девчонкой мутила в наброшенном на голову капюшоне.

Я вижу его спину, а еще четырёх его подельников, стоящих по обе от него стороны.

– Ты кто такой? Отошел от нее, – бросая на чехлы гитару, срывается высветленный паренек-солист.

– Я тот, кого ты сегодня подвинул, сечешь? – усмехается,

который в капюшоне.

– А ты, смотрю, не подвинулся, – крашенный убирает девчонку за спину, – так я помогу, – слегка отклоняется корпусом назад и резко выбрасывает голову вперед.

А дальше «Олимпийский» превращается в фарш из криков, матов, ударов и женских визгов.

Мне ни раз приходилось видеть молодежные разборки, и чем это дело заканчивается, тем более на Арбате, я знаю. Поэтому технично отделяюсь от толпы и прижимаюсь близко к зданию, вдоль которого собираюсь покинуть побоище.

– Шухер, пацаны, – слышу свист из толпы, – менты!

Оборачиваюсь и вижу летящих, точно черные вороны, стражников правопорядка – отряд Росгвардии.

Да твою ж маму...

**коротнуть дело – прекратить уголовное дело.*

***аморалка – компенсация морального вреда.*

****ЧиЖ – частная жалоба.*

Глава 7. Юля

Я с детства боюсь сдавать кровь. От ее вида у меня начинает кружиться голова, приправленная тошнотой.

Сейчас, глядя на то, как из носа сидящего передо мной на коленях незнакомого парня ручьем стекает кровь по подбородку и падает на плитку, я чувствую, как подкашиваются мои ватные ноги, а голова теряет связь с реальностью.

Мой обидчик скулит и матерится, размазывая по лицу красное месиво, а я, чтобы не упасть, сажусь на корточки и закрываю руками лицо. Дышу глубоко и пытаюсь выровнять оголтелое дыхание, но паника сковывает мои легкие, не давая сосредоточиться.

Меня кто-то пихает, и я теряю равновесие, сваливаясь на задницу.

– Полиция, полиция! – вопят рядом.

Мне приходится открыть глаза, чтобы понять, где я, и оттащить свое тело из этой гущи мордобоя, пока не попало и мне.

Все лица, звуки и голоса смешались в одно сплошное чувство страха и ужаса.

Кажется, я ползу на коленках, потому что ощущаю ими мелкие острые камушки, больно врезающиеся в кожу.

Мне кто-то наступает на кисть, и от адской боли я шиплю

и ругаюсь.

Это отрезвляет.

Кручу головой по сторонам и первым нахожу Берга с заломанными за спину руками. Человек в тяжелых черных берцах, черном камуфляже и шлеме подталкивает его к автобусу, брошенному на Бульварном кольце.

Вижу Борю с поднятыми вверх руками за установкой, застывшего с таким выражением лица, будто увидел вместо омоновца зеленого четырехпалого человечка.

Пытаюсь в этом беспорядочном месиве отыскать Матвея, но вместо него нахожу Ветра, катающегося по плитке с диким ревом. Его руки обнимают живот, а ноги прижаты к груди. В этот момент я понимаю, что мне его не жалко.

Придерживаясь за фонарный столб, встаю на ноги и вижу, как черный камуфляж, точно контрастная жидкость в крови, растекается по артериям. Они огромной грозовой тучей подминают под себя каждого, кто попадает на пути, вне зависимости от возраста, пола и причины. Заламывают руки, хватают и безжалостно уволакивают в автобус.

Мне надо бежать, но ноги приросли к месту, а руки намертво вцепились в столб.

Я не чувствую боли разодранных коленей и расцарапанных ладоней, я чувствую панический, оглушающий страх, который парализует и обездвиживает.

– Да отомри ты уже, бедовая, – меня дергают сбоку и тащат точно тряпичную куклу.

Мою ладонь обхватывает чья-то теплая крупная рука, и я разжимаю кулак, позволяя переплестись нашим пальцам.

Полное тотальное доверие моего тела, которое сейчас хочет спастись, в отличие от пустой головы.

– Шевели ногами, – ругается так приятно, что я готова слушать этот голос вечно. – Давай сюда, – он тянет меня за руку, и я вижу его аккуратно-оформленный затылок такой, который получается только в профессиональных мужских салонах. Полы его темного пиджака развиваются в стороны, потому что мой то ли спаситель, то ли похититель прибавил скорость.

Теперь мы бежим по какому-то переулку, и я начинаю вот только сейчас ощущать, как адреналин наполняет не только мою кровь, но и легкие, заставляя их сильнее качать воздух.

Я дышу надрывно и часто, а мой спутник даже не запыхался.

Мой рот растягивается в улыбке.

Мне больше не страшно.

Мне... весело!

Мне, черт возьми, смешно и весело!

И я больше не могу сдерживаться. И начинаю громко смеяться.

Я бегу и смеюсь, когда вижу легкий поворот головы человека в костюме.

– Сумасшедшая, – качнув головой, мой спутник чуть замедляет бег. Отпускает мою руку и бьет себя по карманам.

Он ищет ключи. Я это понимаю, потому что мы остановились около машины под запрещающим знаком парковки. Но такой машине и разрешение не нужно. Всем своим видом она демонстрирует, что «я паркуюсь, где хочу».

Кто ты такой, черт возьми?

Рассматриваю его спину, крупные плечи и понимаю, что он – не мальчик, а взрослый мужчина, которого я точно не знаю.

И ты собираешься сесть в машину к неизвестному мужику, Сурикова?

Щелкает сигналка, и человек в костюме медленно оборачивается.

– Ну привет, бунтарка, – усмеваются его карие, слегка сощуренные глаза.

Глава 8. Юля

– Здравствуйте, – по слогам проговариваю я, спотыкаясь о лицо, которое все-таки знаю.

Не могу похвастаться отличной зрительной памятью, но его лицо я запомнила.

Человек, который лишил в прошлую пятницу нас заработка, и которого я благополучно обозвала старым козлом, сейчас стоит передо мной и сверлит таким взглядом, от которого хочется прикрыть свои разодранные коленки. Стоя перед ним, я чувствую себя раздетой и уязвимой. Но я не покажу, что он имеет какое-то влияние на меня, поэтому вздергиваю подбородок и воинственно складываю руки на груди.

Я, надеюсь, он не ждет слов благодарности или извинений, и я не позволю ему чувствовать себя долбанным героем, потому что я не просила меня спасать.

– Я так понимаю, ты узнала старого жлоба, поэтому знакомиться не имеет смысла, – кивает на автомобиль. – Садись давай.

В смысле?

Он специально меня нашел, чтобы отомстить за козла?

«Сурикова, ты находишь приключения под каждым столбом! Беги!», – кричит та часть моего головного мозга, которая отвечает за чувство самосохранения.

А я думала, у меня ее нет.

– Вы что, маньяк? Следили за мной, а сейчас повезете в лес, чтобы убить и закопать? – делаю шаг назад, и моя воинственность уже не выглядит настолько впечатляюще даже для меня.

– Неплохо, – задумчиво чешет бровь, – я похож на маньяка?

– Ни у одного маньяка не написано на лице, что он – маньяк.

– Определенно, – одобрительно кивает, складывая руку под подбородком, будто собирается слушать поучительную лекцию в моем исполнении.

– Вот поэтому я с вами никуда не поеду.

– Весьма похвально, – хвалит, а я разглядываю, как его пиджак натягивается в плечах. Мои глаза то и дело съезжают с его гладковыбритого лица на широкие мужские крепкие плечи. Почему-то именно эта часть его тела особо привлекает мое внимание. – Значит, есть надежда на то, что в твоей голове есть зачатки разума. Но спешу тебя огорчить, я не маньяк и собираюсь просто отвезти тебя домой.

С чего бы это?

Подозрительный товарищ какой-то.

Но я не дура и не собираюсь становиться очередной жертвой, найденной расчленённой в какой-нибудь лесопосадке.

– Спасибо, но я как-нибудь сама, – разворачиваюсь и собираюсь свалить подальше, пока еще жива.

– Там сейчас работает спецотряд, – долетает мне в спину. – Посмотри на себя. Хочешь вместе со всеми провести ночь в СИЗО до установления твоей личности? Там не больно-то проявляют гостеприимство.

Черт.

Останавливаюсь.

Смотрю на свои разодранные колготки и разбитые колени, шорты, об которые вытирала окровавленные ладошки и понимаю, что в таком виде я выгляжу, как проститутка без документов, которую изрядно потрепал клиент.

А с чего он решил, что я вообще собираюсь обратно возвращаться?

Хотя... в таком виде я даже в метро не спущусь, меня сразу задержат.

Вызвать такси?

Точно!

Хлопаю себя по карманам шорт, и мои руки отчаянно падают вниз.

Гадство.

Перед выступлением я пихнула на сохранение телефон Боре и теперь, я уверена, могу с ним благополучно распрощаться.

Возможно, Матвей мне звонил.

Возможно, он конкретно сейчас меня ищет и переживает, да и я ума не приложу, где он и что с моим парнем.

Возвращаться обратно значит бросить себя под обстрел.

Позволить подвезти незнакомому человеку – верх безумства.

Обреченно всхлипываю и поворачиваюсь к Костюму, который, к слову, успел снять свой шикарный пиджак и остаться в белоснежной рубашке, которая ослепляет своей белизной как первый снег.

– Так вы точно не маньяк? – прищуриваюсь и крадусь к пассажирскому сиденью.

Звук глубокого баритона разносится эхом в пустом переулке.

Это Мистер-Костюм-Широкие плечи смеется.

– А ты думаешь, будь я маньяком, непременно признался бы тебе в этом? – сотрясаются его потрясающие плечи.

– Дайте мне ваш телефон, – протягиваю руку и раскрываю ладонь. – Я позвоню своей подруге и назову номер вашей машины.

Удивляюсь, когда Костюм извлекает из кармана пиджака телефон и красное удостоверение, протягивая мне этот набор.

«Удостоверение Адвоката», – поясняет мне его ксива.

Мистер Костюм у нас адвокат? Так-так!

Набираю по памяти номер Рюминой и диктую марку и номер машины под нескончаемый Алкин треп с вопросами о том, куда я снова влипла и почему я это сделала без нее.

Раскрываю удостоверение и читаю: Романов Константин Николаевич.

Приятно познакомиться, Романов Константин Николаевич!

Глава 9. Константин

Возможно, она права, и у меня развивается старческая деменция, но черт его знает, меня она забавляет.

Сам не знаю, что меня дернуло вместо того, чтобы спокойно уйти огородами, вернуться за девчонкой, в полной прострации обнимающейся с фонарным столбом.

Я видел, как неуправляемая толпа с выпученными глазами давила друг друга, переступая, толкаясь, пихаясь. Видел, как неповоротливый амбал сбил испуганную девчонку с ног, видел, как ее белобрысого пацана трое отпинали, как боксерскую грушу, и предельно четко понимал, что на этом фронте каждый сам за себя, и вряд ли ей смог бы кто-нибудь помочь. А когда я заметил летящего в ее сторону стражника с резиновой дубинкой, мои предохранители сгорели к чертовой матери.

То ли отцовский, не понятно откуда взявшийся рефлекс сработал, то ли яркое представление того, что в этом своем полураздетом виде она, как минимум, проведет ночь с наркоманами, бомжами и ночными жрицами любви в СИЗО, может, еще какая-то оккультная херотень, но на этом мой героизм не закончился – я предложил девчонке ее подвезти.

Она сидит на переднем пассажирском сиденье и сжимает в кулаке грязные влажные салфетки, которые я подогнал

ей вместе с лейкопластырем. Инородное тело в моей машине уже успело запачкать кровью молочно-кремовую панель и светлую кожаную обивку салона. Когда она плюнула на пальцы и попыталась оттереть кровавый мазок на коже бардачка, я пережил трехсекундную клиническую смерть, а когда ожил, – пожалел, что подписался быть чертовым джентльменом.

– Вашу машину обслуживает клининг? – без всякого стеснения моя попутчица разглядывает салон, вертя головой во все стороны.

– Нет, – сухо отвечаю я.

Чувствую, как цепкий взгляд сиреневолосой царапается о щеку, и рефлекторно касаюсь рукой лица.

Не люблю такое пристальное навязчивое внимание.

Она ждет от меня продолжения в виде встречного вопроса или детального пересказа о том, почему в моей машине стерильно. Но, во-первых, я не джентльмен, во-вторых, я зверски хочу жрать, ну и, в–третьих, я, в принципе, унылое говно, не склонное к милому общению.

Моя попутчица, уж не знаю, в следствие наличия ума или в целях личной безопасности решает смолчать, и я мысленно накидываю ей баллы.

Она беспокойная.

Боковым зрением вижу, как малая не в состоянии усидеть на одном месте: все время крутится, ерзает и ковыряет дырку на коленке, разрывая капрон сильнее. На мгновение мне

кажется, что она под чем-то, но за свою многолетнюю практику я повидал достаточно торчков, чтобы отличить нарика от гиперактивной смутьянки с петардой в заднице.

– Вы – не участник Великой Отечественной Войны, – нарушает тишину салона юная мятежница, а я отбираю причисленные ранее ей баллы.

Если бы сейчас на светофоре я ни стоял первым, то со стопроцентной вероятностью поймел бы в зад впередистоящую тачку.

О чем она, черт её дери?

– Это вопрос? – поворачиваюсь к ней и смотрю в карие глаза. Они настолько темные, точно зерна горького кофе, что практически сливаются со зрачком. Черная миндалевидная бесконечность идеально гармонирует с бронзовым оттенком ее юной кожи. И я невольно задумываюсь, откуда она такая после долгой московской зимы? Нет, это не автозагар и не искусственный эритемный ультрафиолет, это плод смешения рас и кровей, и это чертовски красиво.

– Это умозаключение, – деловито поясняет Цыганка. – Вы не заплатили за парковку.

Что?

ЧТО... ОНА... ТАКОЕ?

Мой мир на мгновение перестает вращаться, парализованный действием испытываемого диссонанса. То есть эта мелкая грубиянка, обозвавшая меня козлом и старым жмотом, сидящая в машине с совершенно незнакомым ей взрослым

мужиком в разодранных колготках и шортах, не оставляющих даже толики воображению, вот конкретно сейчас волнуется не о том, что не назвала мне домашнего адреса, и я везу ее непонятно куда, а куда больше ее беспокоит неоплаченная мною гребаная парковка!

– Не заплатил, – соглашаюсь, – и да, до участника Отечественной Войны я точно не дотягиваю, – утвердительно киваю и, блть, жду, какую потрясающую чушь выдаст ее несносный рот дальше.

– Вы не заплатили за парковку, вы не участник Войны, вряд ли являетесь героем Советского Союза, – пытаюсь поддать смехок, потому что девчонка с предельной сосредоточенностью загибает пальцы на руке. – Вы многодетный отец-льготник?

Твою мать!

Мне хочется спросить ее, для чего ей вся эта ненужная информация, но дело в том, что мне, блть, нравится! Нравится весь этот бред, который она несет!

– Я не многодетный отец-льготник, – растягиваю губы в улыбке. – Есть еще варианты?

Имбецильность – это врожденная патология, но конкретно в моем случае – приобретенная, иначе как назвать то, что я продолжаю поддерживать ее дедуктивные логические цепочки.

– Есть. Один. Если вы не заплатили за парковку, значит, вам обязательно придет штраф, – она сканирующим взглядом

дом проходится по моему телу, задерживаясь на плечах, и возвращается с озорным блеском в глазах, кричащих, что у их хозяйки родилась очередная бредовая мысль. — У вас дорогой костюм, дорогая машина и, значит, штраф оплатить для вас не составит проблемы. Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, — моя пассажирка задумчиво замолкает, а потом жалостливо впивается в меня взглядом, — что вы — инвалид?

Кто, блть? Инвалид?

Тот момент, когда ты чихаешь и по определению ждешь, когда тебе пожелают «Будь здоров», а вместо этого прилетает нежданчик в виде поджопника. Вот именно такой смачный поджопник я почувствовал конкретно сейчас.

Из ее нелогичной логики я ожидал, что окажусь миллионером, банкиром, депутатом или олигархом, но никак не инвалидом.

Она издевается?

Мне кажется, я столько за свою жизнь не смеялся и не матерился одновременно, как за одну эту поездку с чокнутой Цыганкой.

Определенно я начинаю беспокоиться за свое психическое здоровье.

Отсмеявшись, спешу пояснить:

— У меня парковочное резидентное разрешение. Адрес назови, — решаю напомнить вольготно развалившейся сирене-волосой в моем кожаном кресле и нагло забывшей, куда и

зачем ее везут.

Но последнее, кажется, ее мало заботит, потому что спрашивает она о другом:

– Резидентное? Вы что, мигрант?

Да, блть!

Глава 10. Константин

– Так рано уходишь? – Катерина набрасывает легкий шелковый халат, но струящаяся ткань спадает с плеча, оголяя красивую женскую грудь. Ненадолго задерживаю внимание, задумываясь о третьем раунде наших «судебных актов». – Мишаня раньше девяти все равно не придет, – от ее судебного всевидящего ока не утаить моего вновь вспыхнувшего интереса, поэтому она с присущей грацией сбрасывает тонкую ткань и сжимает в руках свою грудь.

Она, к слову, у Катерины шикарная: полная, подтянутая округлость, которая снова манит к себе прикоснуться.

С расстёгнутой молнией брюк подхожу к обнаженной женщине и смотрю в глаза, полные желания и похоти.

Серо-зеленые кошачьи глаза.

Не карие...

Обвожу большим пальцем контур ее лица и наблюдаю, как Катерина обхватывает его губами, облизывает, а потом вытягивает в рот с характерным звуком.

Свободная, не скованная узами брака женщина в стократ отличается в сексуальной жизни от замужней. Она раскрепощена, сексуальна и умеет получать удовольствие, потому что секс для нее – не супружеская обязанность, а средство проявить и удовлетворить свое женское либидо.

Женщина в браке рациональна, скована обстоятельствами и бытом, ей больше не нужно изощряться, чтобы тебя удивить и покорить, потому что ты уже в накинута хомуте и никуда от нее не денешься, так зачем тратиться на какие-то дорогу-щие кружевные полоски, если за эти деньги можно купить столько продуктов! Близость с годами становится всё реже и фиксируется на идеальной, удобной ей миссионерской позе, потому что «я – не шлюха, чтобы иметь меня сзади». Случайный шлепок воспринимается как «я что, тебе кобыла на базаре?», а вылетевшее по неосторожности пошлое словечко оскорбляет ее тонкую душевную натуру.

Ее тонкая душевная натура извивалась, стонала и просила пожестче и сильнее до того, когда статус в ее профиле сменился с «*в отношениях*» на «*замужем*».

Ты уверен, что женился на игривой распутнице, но после двенадцати твоя секси-золушка превращается в зачуханную домохозяйку с пучком на башке и вечным «давай не сегодня, я устала и у меня болит голова».

С Катериной мы спим около двух лет. Когда оба любовника выгодны друг другу, получается самый отличный секс. Екатерине Полянской сорок лет, у нее есть подросток-сын, власть и потрясающее качество – она не замужем, и туда ее не загонишь даже под угрозой расправы. Катерина – отпетая карьеристка, придерживающаяся строгой феминисткой философии.

И мне это адски подходит!

Она не ждет от меня отношений, кольца на пальце и всякой прочей ванили. Она пользуется мое тело для здоровья, а я получаю вдвойне: мне никто не трахает мозг после секса и во время судебных заседаний, потому что Полянская – судья.

Короче, я выгодно трахаю судью. Наши отношения без обязательств удобны друг другу. Мы не давали клятвы верности, но я уверен, что у Полянской никого кроме меня нет.

У меня тоже.

Я не люблю привыкать.

Я люблю комфорт.

А с ней мне комфортно.

Я абсолютно уверен в ее чистоплотности и женском здоровье. Ее запах, фигура, голос меня устраивают, а искать кого-то, чтобы снова приспособливаться, – слишком затратно.

И к тому же, я брезглив.

Смотрю на губы Полянской, совершающие поступательные движения с моим пальцем и чувствую, как начинаю твердеть. Я здоровый мужик и реакция моего тела на сидящую передо мной на коленях обнаженную женщину закономерна. И не будь в моей квартире дочери, которой я обещал вечер в кино, я бы остался.

Вынимаю из теплого влажного рта Катерины палец и, не церемонясь, вытираю о молочную простынь.

– Не могу. Дочь ждет, – застегиваю ширинку и обвожу комнату взглядом, выискивая рубашку.

– Познакомишь? – лениво улыбается Катерина, облизы-

вая мой голый торс жадным похотливым взором.

Мои брови взмывают вверх, и от нее это не укрывается.

Полянская переворачивается на спину и начинает смеяться, отчего ее голая грудь потрясывается точно желе.

– Романов, ты бы видел свое лицо, – накрывает руками глаза и лоб. – Как будто тебе сообщили, что ты проиграл дело. – Расслабься! Я пошутила! – веселится Полянская.

А мне ни черта не смешно.

Потому что, кажется, именно так намекают на отношения.

Мы изначально условились, что не нарушаем личные границы друг друга, не переступаем черту дозволенного и не позволяем себе лишнего.

На свою территорию я не пускаю никого.

Когда я закрываю входную дверь своей квартиры, за ней я оставляю всё, что для меня дорого и важно. А сейчас там еще и моя ожидающая дочь.

Порог моего жилища никогда не переступала женская нога, кроме дочери и уборщицы, приходящей два раза в неделю – пожилой азиатки Саури.

Моя кровать никогда не знала тепла женского тела, а кухонный духовой шкаф по сей день остается девственно чистым.

Вы же помните трех китов, на которых держится моя вселенная: работа-деньги-комфорт? Так вот, мой дом – это моя комфортная территория.

Катерина находит мою смятую рубашку, а я брезгливо

морщусь, потому что ненавижу, когда что-то выбивается из моей идеальности.

– Давай помогу, красавчик! – подходит близко, набрасывает сорочку на плечи и принимается медленно застегивать пуговицы.

Красавчик?

Усмехаюсь, потому что как-то не вяжется с 37-летним мужиком.

– Значит, я еще ничего? Не старый козел?

Полянская отстраняется и замирает, глядя своим пронзительным судьейским взглядом.

Я готов вырвать себе язык, потому что Катерина всегда видит то, что спрятано глубоко в твоей голове, поэтому она и считается одной из лучших в судейской коллегии.

– Романов, неужели нашелся кто-то, кто смог пошатнуть твою самооценку? Держись ровно и непринужденно, потому что умею.

Хмыкаю, показывая Полянской, что моя самооценка за адвокатские годы обросла такой броней, что пробить ее не сможет даже самое сверхмощное оружие.

– Дочка, что ли? – не унимается Катерина. Выдергиваю из ее рук полы рубашки и остервенело пытаюсь застегнуться самостоятельно. – Не дочка... – профессионально заключает Катерина. – Девушка?

Образ сиреневолосой смутьянки непрошенным гостем возникает на пороге моего сознания, подкидывая картин-

ки пригревшейся в моем автомобиле девчонки с огнями вечерней Москвы, отражающимися в крепком коньяке ее глаз, жадно разглядывающих освещенные городские проспекты. Ее не жеманные, а больше пацанские повадки и брошенное в конце «До свидания, Константин Николаевич», как разноцветные, приклеенные на монитор стикеры, напоминают, что в моей машине была не женщина, а молодая девчонка. А я уже давно не мальчик, чтобы иметь право смотреть на нее с мужским интересом и мысленно подсчитывать нашу разницу в возрасте.

– Да ладно, Романов! – Полянская складывает руки на груди, решая, что мое молчание – признак согласия. – И кто она? Уж не та ли новенькая из архивного?

Новенькая из архивного?

А! Светловолосая приятная девушка из архивного отдела!

Понял.

Но нет... у нее ни сиреневые кончики шоколадных волос.

Блть...

– Кать, не говори ерунду, – раздражаюсь и тем самым скорее всего себя выдаю. – Мне пора.

Распикиваю по карманам телефон, ключи от машины и портмоне.

– Ну-ну, Романов, – Катерина не позволяет себя поцеловать на прощанье, демонстративно отклоняясь корпусом.

Решаю не заикливаться на этом факте, иначе можно было бы решить, что Полянская ревнует, а это значит, что наш

секс без обязательств трещит по швам, а мне бы не хотелось нарушать свою зону комфорта.

Глава 11. Юля

«Я уже внизу. Спускайся»

Какого черта?

Смотрю на очередное сообщение Мота и от гнева готова разбить телефон об его крашеную голову.

Подхожу к окну и выискиваю черный Гелек Свирского, но на территории парковки моего дома пусто.

«Фиалка, я тебя жду, давай поговорим?» – вибрирует телефон в моих руках.

Не хочу я с тобой разговаривать!

Где ты раньше был?

Когда я всю ночь субботы и воскресенья пыталась до тебя дозвониться?

Где ты был сегодня, в понедельник? И почему решил объявиться только лишь к вечеру?

У меня столько отчаянных вопросов, что, если честно, даже не хочется уже и ответы на них получать.

Как же я зла!

Я так зла и обижена, что с утра на занятиях по «Истории танца» удалила несколько наших совместных фотографий в соцсетях.

После того как Мистер Костюм благополучно доставил меня до дома, я всю ночь пыталась дозвониться хотя бы до

кого-нибудь из ребят с телефона брата. Но встречали меня лишь долгие гудки, либо оповещения о том, что абонент – не абонент.

Ночь с субботы на воскресенье была немыслимо длинной.

Кажется, я не спала ни минуты, плавая то к одной беспорядочной мысли, то к другой. В темноте ночи перед глазами всплывали картинки страшных людей в камуфляже и черных масках, сметающих всё на своем пути, но тут же образы менялись, и вот на меня уже смотрели карие ухмыляющиеся глаза с мелкими кисточками морщин в уголках.

Надо же, у нас глаза одного цвета, но такие разные оттенки. Его карий – светлый, уходящий в янтарный, практически оранжевый, словно корица, а мой – практически черный, точно темная бездна.

Сжимая под одеялом руку в кулак, я еще долго ощущала теплую мягкую ладонь в своей. Она большая и удобная, а еще очень нежная. У Матвея руки грубые, шершавые, приносящие дискомфорт сухими мозолями на подушечках его пальцев от частой игры на гитаре. Возможно, именно такими должны быть руки мужчины, а не мягкими лапками котенка, как у Костюма, но я не могла ни представить, как эти самые ухоженные нежные руки могли бы касаться... и трогать. Вот черт, о чем я думаю?

Потом кадры менялись и переносили меня в машину, в которой даже дышать было страшно. Такая же вышколенная, роскошная и богатая, как и ее хозяин. Я казалась себе му-

сором в ней, от которого стоило немедленно избавиться. В разодранных колготках и тинэйджерской толстовке в таких машинах не возят. Так зачем он меня вызвался подвезти? Меня, в первую встречу обозвавшую его старым жмотом.

Он – не старый.

Он – мужчина.

Мужчина, который успешен.

И от него вкусно пахло: уверенностью и новым кожаным салоном.

А его плечи... Его плечи – мечта Смельковского: широкие, раскрытые, несущие вперед грудную клетку и потрясающую осанку.

Он выгрузил меня точно посылку у подъезда и даже не спросил моего имени.

А я хотела, чтобы он спросил.

Чертов Романов Константин Николаевич!!!

Ближе к полудню воскресенья я смогла дозвониться до Бори. Друг рассказал, что их с ребятами отпустили еще тем же поздним субботним вечером, благодаря матери Матвея. Я даже не стала интересоваться про тех ребят, из-за которых началась драка.

Только к вечеру Боренька привез мне мой телефон, успешно сохранившийся у него в барабанном кейсе.

Среди пропущенных звонков от родителей, Алки, брата и Берга, не было ни одного гребаного звонка от моего парня.

НИ ОДНОГО!!!

То есть за все эти дни мой парень не искал меня и не беспокоился о том, жива ли я вообще.

А теперь уже два часа насилует мой телефон звонками и сообщениями и в итоге имеет наглость приехать.

«Фиалка не глупи выходи малышка»

Снова подхожу к окну.

Кроме тонированной БМВ у подъезда никого нет.

Ничего не понимаю.

Надеваю черные легинсы, поверх белые носки с банановым принтом, широкую нюдовую толстовку, волосы закручиваю в высокую гульку, а образ сельского гламура завершаю резиновыми сланцами.

Мне плевать, как я выгляжу. Пусть радуется, что я жива и относительно здорова, не считая мелких синяков, поцарапанных рук и коленей.

Уже в подъезде на первом этаже я прекрасно слышу басы, исходящие с улицы.

С трудом открываю подъездную тяжелую дверь, выигрывая в схватке с разбушевавшейся стихией. Неуправляемый порыв ветра срывает мой капюшон и набрасывает на голову. Обнимаю себя руками и кручу по сторонам головой, выискивая Мота.

Припаркованная черная тачка сотрясается низкими частотами, перекрикивая бурю, скрежет раскачивающейся урны и скрип подъездного фанерного козырька.

– Фиалка! – доносится со стороны автомобиля, и я вижу, как из открывшейся задней двери вываливается мой парень.

Тонированные окна машины опускаются, и мне удастся разглядеть пассажиров, число которых явно превышает количество посадочных мест.

Матвей в черной объемной толстовке, тряпичном цветном головном ободке и в очках-авиаторах широкими шагами движется ко мне, перекатывая во рту жвачку.

Из машины доносятся гогот и свист ему в след, отчего Свирский оборачивается и с ослепительной улыбкой салютует, по-видимому, новым друзьям.

– Привет, фиалка! – закидывает свою клешню мне на плечо.

Это что еще такое?

Свирский довольно улыбается и, наверное, смотрит на меня, потому что его очки не дают мне этого понять.

– Руку убери, – не церемонясь, сбрасываю его граблю.

– Спокойно, фиалка, че за кипиш? – пытается ухватить за талию, но я отпрыгиваю на несколько от него шагов в сторону.

– Кипиш? – пытаюсь переорать ветер и басы. – То есть то, что ты пропал на несколько дней, а потом объявляешься как ни в чем ни бывало, ты считаешь нормальным? – шурюсь и вытираю рукавом проступившие в уголках глаз слезинки от кусачего ветра.

– Я никуда не пропадал, фиалка, я был занят. Матушка

просила помочь, – смотрит и улыбается, а у меня внутри все полыхает точно в аду.

– Так занят, что не нашлось ни минуты, чтобы узнать, все ли с твоей девушкой в порядке? А тебе не интересно, как я добралась до дома? – складываю руки на груди и сбрасываю капюшон, чтобы лучше видеть эту наглую рожу.

– Ну раз ты стоишь здесь передо мной, значит, нормально, нет? – ржет Свирский, будто удачно пошутил.

– Ты что, идиот? – прищуриваюсь и заглядываю ему в лицо. – Сними очки.

– Зачем? – усмехается Свирский. – Думаешь, под ними написано – идиот ли я?

Матвей сплевывает жвачку прямо на асфальт и закатывается отвратительным смехом.

Господи, мне противно на него смотреть.

Это не мой парень.

Поднимаю руку и резким движением срываю с Матвея очки.

Красные, мутные, бегающие глаза в последнее время мне хорошо стали знакомы.

Сжимаю кулаки так, что хрустит тонкая фирменная оправа. Прикрываю глаза и набираю больше воздуха в легкие.

– Матвей...

– Пацаны, – перебивает меня Свирский, притягивая к себе, – это моя Юлька! – орет в сторону машины. Хочу вырваться, но Матвей прочно удерживает мои запястья за спи-

ной. – Красавица, правда?

Одна моя рука по-прежнему в его хватке, а второй Матвей цепляет меня за подбородок и грубо целует.

Всё это показательное выступление для зрителей из машины. Они гудят, хлопают в ладоши и свистят, точно дикари.

Я никого среди них не знаю, кроме одной, прожигающей токсичным взглядом морды Севы Ветра.

Отталкиваю Свирского и яростно шиплю:

– У тебя новая компания, Мот? – киваю подбородком в сторону машины. – Где твоя машина? Кто они, черт возьми? – всплескиваю руками.

– Воу-воу, фиалка, остынь, малышка! – выставляет руки вперед.

– С кем ты связался, Матвей? Ты опять под дурую? – толкаю его в грудь, отчего Свирский оступается, хватает руками воздух, но не падает.

У меня истерика.

Мое тело пробивает мелкой дрожью, а в области желудка начинается болезненно жечь. Чувствую горечь во рту.

Это от бессилия.

Я сейчас бессильна.

– Охренела?

Сжимаю губы и веки, чтобы не заплакать.

Хочу уйти.

От него хочу уйти.

Свирский обхватывает со спины и прижимается близко к телу.

Закрываю глаза и позволяю скатиться скупой слезе разочарования и тоски.

Тоски моего тела, потому что оно помнит его касания. Человека, который был небезразличен и дорог, и оно готово еще отзываться, вопреки подающим сигналам мэй-дэй* моего мозга.

– Прости, фиалка, – ласково шепчет на ушко, нежно так, щемяще, – свои все пацаны. Поехали, покатаемся? Ты ж любишь.

Люблю.

Любила.

Со своим Матвеем.

– Отпусти, – во мне бушует ураган, сметая всю нежность к нему и жалкие крохи былых чувств, но говорю я спокойно, размеренно, успокаивая его. Иначе хуже будет, не отпустит, превращаясь в необузданного зверя. Я знаю. – У меня зачет завтра, – вру я, – мне готовиться надо.

– Зубрилка моя, – ласково кусает ушко, а я терплю, – точно не обижаешься?

– Не обижаюсь.

– Тогда до завтра, фиалка? – отпускает, и вроде бы сейчас он здесь, со мной, но нет. Он с ними там, в машине, с новой неизвестной компанией.

– До завтра.

– Я люблю тебя, малышка, – на полпути оборачивается Свирский и расплывается счастливой лужицей, точно подросток, выклянчивший у родителей разрешение погулять еще часик.

Нет, не любишь...

**Mayday (мэй-дэй) – сигнал бедствия, используемый в ситуациях угрозы для жизни людей и тп.*

Глава 12. Юля

– Юленька, больше экспрессии, дорогая! Где эмоции? Я хочу видеть твои эмоции!

Если я покажу Марте Михайловне, моему педагогу по специальности, те эмоции, которые сейчас у меня внутри, вряд ли они ей понравятся.

Моя туника будто после стирки без отжима, а спортивное трико от пота неприятно облепило мой зад. Я вкалываю над сольной экзаменационной хореографией, как проклятая, но делаю каждое танцевальное движение механически, потому что мыслями я не здесь.

Во мне коктейль из разочарования, обиды, злобы и отчаяния. Несколько дней вместо того, чтобы готовиться к теоретическому экзамену у ржавого Смелковского, я штудировала статьи из интернета, выискивая информацию о том, как можно и нужно помочь наркозависимым.

Я уверена, что Матвею нужна помощь.

Пока не поздно.

Потому что стадия уговоров и разговоров уже невозвратно пройдена, и дальше это не работает. Необходима специализированная медицинская и психологическая помощь. Для этого я планирую поговорить с Ириной Владимировной, мамой Матвея.

Не знаю, имею ли я на это право, но мне не все равно.

Я, черт возьми, при всех косяках Свирского за него переживаю.

Марта Михайловна – прекрасный не только хореограф, но и психолог, запросто считывает мое нерабочее настроение.

Современный танец – мой любимый экзерсис, и я всегда выкладываюсь до остатка, но не сегодня.

– Великие танцоры велики не из-за их техники, Юленька, они велики из-за их страсти, – Марта Михайловна останавливает музыку и снисходительно улыбается. Не кричит, не ругает, она умеет поставить на место и заставить работать вот таким одним предложением. – Где твоя страсть? Что случилось?

Моя страсть улетела вместе с выкуренными косяками Матвея. Я чувствую, как теряю его, и как в наших отношениях появляется третий участник, наркотик, разрушая те самые отношения, становясь гораздо важнее меня.

Не успеваю ответить преподавателю, так как в дверь воровато стучат.

С Мартой Михайловной одновременно поворачиваем головы, когда слегка приоткрывается дверь и в ней показывается взъерошенная голова Матвея.

– Марта Михайловна, добрый день! – Свирский приветливо улыбается, соблазняя своей милой ямочкой на щеке, от которой многие женщины млеют. – Можно Юлю на минуточку?

За такую ямочку ему можно всё, даже не спрашивая, но женщина поворачивается ко мне и изгибает вопросительно бровь.

Не уверена, что хочу разговаривать с ним.

– Юля, если в этом кроется твой внутренний конфликт, – кивает на выжидающего в дверях Свирского, – то советую решить все свои проблемы и вернуться к занятиям с полной отдачей.

– Хорошо. Извините. Я быстро, – срываюсь с места и бегу к двери, но не от того, что желаю поскорее оказаться рядом с Матвеем. Мне не хочется подводить Марту Михайловну и нарушать экзерсис, пользуясь ее порядочностью и доверием.

– Юлька, – стискивает в крепких объятиях Свирский и приподнимает над полом. – Привет, фиалка.

– Привет. Перестань, я мокрая, – пытаюсь вырваться из захвата, потому что даже мне от себя противно.

– Уже? – отстраняется парень, лукаво поигрывая бровями. – Быстро ты! Но я не против, малышка! Как хочешь? – цепляет в мокрых пятнах широкую тунику и просовывает под нее руку.

– Ты что творишь? – отскакиваю и бью по руке смеющегося парня, бегая глазами по шаркающим по коридору студентам. – Забыл, где находишься?

– Да не кипятись, фиалка! – ехидно посмеивается Свирский. – Знаю я, что ты у нас не-до-тро-га, – в лицо по слогам шепчет мой парень.

А мой ли еще?

– Я не кипятильник, – складываю руки на груди и задираю подбородок, – чего ты хотел? У меня занятия, вообще-то, – решаю напомнить.

– Точняк, фиалка. Держи, это тебе, – выуживает из кармана маленький алый мешочек, стянутый красной плотной нитью.

Теряюсь, но принимаю подарок, ныряя в него двумя пальцами.

Сначала мне кажется, что там цепочка, но, когда достаю, понимаю, что в руках у меня браслет довольно крупного плетения.

– Нравится? – нарушает мои разглядывания Свирский.

Не знаю...

Да, красивый, но ... грубый и вопящий. Такой неплохо бы смотрелся на полной крупной руке, а не на моем тонком запястье, состоящем из кожи и кости. И такие плетения уже давно не в моде. «Чем больше, тем лучше» осталось в прошлом, когда крупные широкие цепочки и браслеты в несколько рядов кричали о богатстве и положении.

– Симпатичный, спасибо, – но я все равно улыбаюсь. Это же подарок и, надеюсь, выбранный Матвеем с душой.

– Я несколько дней у матушки впахивался, чтобы на него заработать, – кичливо сообщает Матвей.

– Так ты поэтому не появлялся в те дни? Работал? – в моем мозгу вспыхивает искорка тоненькой надежды того, что

все-таки Матвей не обманул и действительно помогал матери, а не шарахался с новой непонятной компанией.

– Ну конечно, фиалка. Я же тебе говорил, а ты не поверила!

Не поверила.

Подхожу ближе, и сама обнимаю парня, наплевав на потную вонючую футболку. Один из давящих ошейников на моей шее разрывается, позволяя сделать неглубокий вдох.

Я все еще держусь за него...

– Извини, фиалка, я действительно был занят и не мог позвонить. Но я знал, что с тобой все в порядке, – целует в висок и поглаживает под туникой спину.

Вздрагиваю от этих касаний, покрываясь мелкими мурашками. Не понимаю, приятны ли мне его ласки, или противны.

– Хорошо.

– Вечером наши собираются на «Этажах», пойдем? Давно никуда не выбирались, – спрашивает Свирский, по-прежнему удерживая в объятиях.

Да, это точно.

Я погрязла в учебе и в разборках с Матвеем. Может, сегодня удастся отвлечься и попытаться перезагрузить наши отношения, дав им еще один шанс?

– Я согласна. Заедешь?

– В восемь буду у тебя, малышка! Ну беги, давай, зубрилка, – бесцеремонно хлопает меня по заднему месту и откры-

вает дверь, подталкивая внутрь.

Глава 13. Юля

– Завтра не выходной, если ты помнишь, – прикрываю окно, ежась под промозглым циклоном, никак не отпускающим Москву в теплое лето. На мне укороченный черный топ и в крупную клетку черно-бордовая короткая юбка, а наброшенный длинный классический пиджак не согревает, а лишь прикрывает мои голые плечи. – Не будь тебя еще пять минут, я бы никуда не поехала, – обнимаю себя руками и свожу крепко колени.

Вместо обещанных восьми часов Свирский приехал к девяти часам вечера.

Я целый час, как идиотка, прождала Матвея, собираясь дальше слать его лесом. Смысл ехать в бар в ночь, когда завтра с утра на занятия?

По крайней мере мне.

Запах, который я уловила, когда оказалась в Гелеке Свирского, так и не выветрился, становясь осязаемее при закрытых окнах.

– Юлька, ну че ты в самом деле? – кипятится Мот, нервно постукивая по рулю. — Ты же не в Институте благородных девиц учишься. Сомневаюсь, что, если бы ты осталась дома, легла бы спать. Че я постоянно оправдываюсь?

– Представь себе, да, легла бы спать, – фыркаю и отвора-

чиваюсь к окну.

– Я машину забирал из сервиса. Задержался, так понятно? – раздраженно выплевывает Свирский.

– А что с ней было? – поворачиваюсь к кашляющему парню и вижу, как Мот утирает рукавом нос. – Ты простыл, что ли?

– Да так, по мелочи там, – отвечает размыто и передергивает плечами.

Снова сдавленно кашляет и ерзает в кресле, будто ему в задницу вогнали штырь с острым наконечником.

– Матвей, ты заболел? – повторяю вопрос, так и не получив на него ответа.

– Да че ты добаралась до меня? – орет Свирский так, что я подпрыгиваю в кресле.

– Не ори на меня, – психую в ответ.

– Всё, фиалка, прости, – Матвей отпускает руль и поднимает ладони, признавая собственное поражение. – Наверное, аллергия сезонная, – нервозно шмыгает носом.

Прикрываю глаза и хватаюсь за дверную ручку, потому что Свирский резко выжимает педаль тормоза, чуть не вписавшись в Порше. – Блть! – орет Матвей и бьет по рулю кулаком.

Его поведение заставляет включиться в работу ту область головного мозга, которая ответственна за чувство самосохранения. Я вжимаюсь в кресло и пробую аккуратно спросить:

– Матвей, что с тобой?

Мне страшно. Никогда рядом с ним во время езды не ощущала дискомфорта. Его резкая манера управления тачкой мне импонировала, разливая адреналин по венам. Скорость дарила ощущение свободы, но никогда... никогда я не чувствовала опасности за свою жизнь. А сейчас чувствую, что стою на обрыве, а мой парень меня не спасает, а только подталкивает в него.

Свирский включает поворотник и съезжает с главной дороги на стоянку торгового центра.

– Посиди в машине, фиалка. Я в аптеку сгоняю, от аллергии что-нибудь куплю.

Его движения резкие, а глаза мечутся, избегая зрительного контакта со мной. Свирский быстро скрывается во врашающихся дверях торгового комплекса, а я закусываю губу и остервенело покручиваю на запястье подаренный Мотом браслет, который к этому образу ни к месту, но я обещала его надеть.

Я хотела дать нам еще один шанс, но собираюсь бросить парня, возможно, действительно страдающего от аллергического ринита.

Я веду себя, как последняя сука, но я накрутила себя так, что перестала понимать, когда Матвей под дозой, а когда чист.

Смотрю на двери, из которых вот уже полчаса выходит кто угодно, но не Матвей. Слишком долго мой парень покупает

лекарство, когда аптека находится на первом этаже торгового центра.

Часы приборной панели показывают – 21:30, а мы еще даже не доехали до «Этажей».

Потираю влажные ладони, просовывая руки между коленей, чтобы согреть их. Машина остыла и мне становится зябко.

Он появляется сразу, как только решаю завести движок и включить обогрев.

Ловко запрыгивает в машину и расплывается сногсшибательной улыбкой. Он сияет ярче начищенного хлоркой кафеля. От возбужденного, психованного Матвея ни осталось и следа, и можно было бы порадоваться, если бы не одно жуткое *но*.

– Малышка, замерзла? – хватает за голую коленку и больно сжимает в шершавой руке. Он не соизмеряет силы, его разум в дурмане, а на мне снова останутся синяки. – Так хочу тебя, фиалка, не могу больше терпеть, – стонет Свирский, притягивая меня свободной рукой за шею.

Твою ж мать.

Только не это.

– Почему так долго? – отстраняюсь от парня и хочу заглянуть ему в глаза, которые скрывает полумрак салона.

– Очередь, Юлька.

– Покажи лекарство, – повелительно требую.

– Зачем? Я уже выпил его, – непонимающе спрашивает

Свирский.

– Всю упаковку? – возмущаюсь и перехожу на крик. – Я, по-твоему, на дуру похожа? Где ты был, Матвей? – ударяю по панели, потому что не знаю, как еще выразить досаду и разочарование.

Паническая догадка расплзается отравляющей синильной кислотой по кровяному руслу, учащая дыхание и сердцебиение.

– Сука, – не сдерживается Матвей, глаза которого наливаются черной ядовитой ртутью. – В аптеке я был.

– Не ври мне, – отключаю тумблер безопасности и выпаливаю, не заботясь, что будет потом. – Ты принял дозу?

Хлесткий удар по щеке обжигает скулу. Рефлекторно прижимаю холодную ладонь к месту удара, остужая горящую кожу.

Мои глаза расширяются, и я не могу поверить, что это случилось.

Кажется, Свирский тоже не верит, потому что лицо его исказилось ужасом и непониманием.

Никогда... никто... меня... ни разу... не бил...

Прикладываю вторую руку и чувствую, как горячие слезы тоненькими извилистыми ручейками стекают по лицу.

– Ты сама виновата, – отворачивается и нервно хлопает себя по карманам, выискивая либо сигареты, либо свой вейп.

– Ненавижу тебя, – плюю в лицо и дергаю ручку двери.

– Пошла на хер, овца тупая, – заводит движок.

Срываю с запястья браслет и бросаю мерзавцу в лицо.

Пусть подавится своими подарками.

Хлопаю дверью и еле успеваю отпрыгнуть от машины, когда Гелек Свицкого чуть ли не отдавливает мне ноги.

Я еще в шоке.

В глубоком трансе, когда боль не так ощущается.

Но под колючими порывами ветра и мелкой дождливой сыпью быстро прихожу в себя, полностью осознавая случившееся.

Я не плачу, но мне себя жалко.

Медленно плетусь к главной дороге, застегивая пиджак, поднимая его ворот и обхватывая себя руками. Меня знобит и потряхивает.

Мимо проносятся машины, ослепляя вспышками фар.

Мокрый асфальт отражает уличное вечернее освещение, когда иду вдоль широкого проспекта, глядя себе под ноги.

Щека горит, но это пустяки по сравнению с моим изнывающим от боли сердцем. Мне хочется вырвать его со всеми артериями и сосудами, и бросить в след Свицкому, так беспощадно с ним поступившему.

По моим волосам стекает холодная вода, я размазываю ее вместе с тушью на лице и темно-фиолетовой помадой.

Я похожа на дешевую шлюху, слоняющуюся по ночным московским улицам. Но мне все равно.

Короткий, вкрадчивый клаксон автомобиля заставляет вздрогнуть и остановиться.

Я надеюсь, что это не Свирский.
Кто угодно, но только не он.

Глава 14. Константин

Дворники автоматически срабатывают, очищая лобовое стекло от мелкого морозящего дождя.

Мокрый асфальт создает мягкое сцепление шин с дорогой, погружая автомобиль практически в неслышное скольжение и легкое покачивание.

В салоне фоном играет ненавязчивая музыка, а прославленная немецкая эргономичность создает тот самый комфорт, который так уважаю.

Окно запотевает, и я открываю его, впуская сырой холодный воздух.

Усмехаюсь своим поэтично-неромантичным мыслям и глубоко вдыхаю свежий, очищенный от московской пыли и грязи, озоновый эфир, чтобы выветрить из головы весь этот сентиментальный бред.

После полуторачасовой тренировки в бассейне чувствую себя легко и расслаблено. Каждый раз выхожу из Водного комплекса, как заново рожденный. Вода смывает дневную грязь, усталость и наполняет живительной энергией.

Если бы не будний день и дочь, которая ждет меня дома, я бы сейчас метнулся к Катерине.

Думаю, она бы тоже была не против.

Высовываю руку в приоткрытое окно и ловлю студеные

капли дождя.

Лето в этом году не собирается в гости в Москву, заставляя депрессировать и предаваться всеобщей скорби.

Обязательно нужно выбраться с Марго на юга, иначе девчонка совсем зачахнет под Питерским унынием и Московским разочарованием.

Яркие, отражающие сиреневыми переливами волосы кажутся навязчивым нереальным видением среди ночной неспящей Москвы.

Провожу мокрой ладонью по лицу, чтобы смахнуть туманный морок, и смотрю в зеркало.

Она...

Семенит маленькими шагами Дюймовочки, уткнувшись себе под ноги.

Пролетаю мимо и резко паркуюсь под душераздирающий сзади гудок какой-то тачки.

Прости, приятель, не прав.

Включаю аварийку, открываю шире окно и набираю здравую пригоршню дождевой воды.

Плескаю в лицо, остужая свои идиотские мысли.

Я опять собрался ее спасти?

На черта мне оно нужно?

Хреновы твои дела, Романов, раз ты планируешь пересечь чертову двойную сплошную, чего никогда не делал даже в свою бурную молодость.

Разворачиваюсь и снова нагоняю ее.

Плетусь сзади, мигая аварийкой в правом ряду.

Крадусь, точно хищник, но она ведь не жертва.

Маленькая девчачья фигурка обнимает себя руками, уткнув нос в воротник пиджака. Мокрая, несносная смутянка. Ведь найдет же себе приключения на голые бесконечные ноги.

Что ж ты бедовая девка такая?

Слегка нажимаю на клаксон, чтобы не напугать.

И еще раз...

Останавливается. Замирает, не поворачиваясь.

Останавливаюсь и я.

Не закрывая двери, выбегаю под дождевую пыль, рассеянную скоростью попутных машин. Ветер бодрит, закручивая в спираль расслабленные мышцы, и запускает целый ворох острых мурашек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.